

Социальная история науки

Т. И. ЮСУПОВА

СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ: МОНГОЛО-ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П. К. КОЗЛОВА И РАСКОПКИ НОИН-УЛЫ *

В статье рассматривается история одного из выдающихся археологических открытий первой четверти XX в. – раскопок могильников хунну (гуннов) в горах Ноин-Ула в Монголии. Предпринята попытка показать, итогом каких, казалось бы, случайных событий, стало это открытие, какое значение оно имело для организации широкомасштабного изучения Монголии Российской академией наук, для определения направлений и принципов взаимодействия Ученого комитета Монголии и российских исследователей, для решения целого ряда методических и технологических проблем, связанных с изучением археологического материала.

Ключевые слова: Монголо-Тибетская экспедиция, П. К. Козлов, археологические открытия в Ноин-Уле, Ученый комитет Монголии, Российская академия наук, межличностные и межведомственные отношения, археологические методы и технологии.

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам...

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

В. Брюсов (1905) ¹

Вот уже более 80 лет Ноин-Ула находится в центре внимания археологического научного сообщества. Ее прославило открытие, сделанное в 1924–1925 гг. Монголо-Тибетской экспедицией Русского географического общества (РГО) под руководством Петра Кузьмича Козлова (1863–1935). Ноин-улинские находки дали мощный импульс для изучения хунну ² – одного из древнейших

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-03-00443а. Автор выражает искреннюю благодарность за консультации, плодотворные беседы и внимание к работе главному научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН, лауреату Государственной премии РФ Н. В. Полосьмак, старшему научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН Е. С. Богданову, старшему научному сотруднику Института истории материальной культуры РАН С. С. Миняеву, старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа Ю. И. Елихиной.

¹ Брюсов В. Я. Избранные сочинения / Сост. А. Козловский. М., 1980. С. 212.

² Хунну или сюнну – один из наиболее известных скотоводческих народов древности, со II в. до н. э. по II век н. э. населявший степи к северо-востоку от Китая. В результате войн и

кочевых народов Центральной Азии, который вследствие долгого временного и обширного пространственного существования оказал значительное влияние на развитие многих азиатских и европейских государств. Археологический материал из Ноин-Улы³ дает представление о погребальном обряде, хозяйстве, одежде и украшениях, о технике обработки различных материалов, об оружии, верованиях хунну, ярко характеризуют их культуру и международные связи. Необходимость реставрации и сохранения уникальных ноин-улинских предметов стимулировала работы по поиску новых способов и методов обработки археологического материала.

Данное открытие интересно не только в когнитивном и технологическом, но и в научно-организационном контексте: оно стало одной из побудительных причин создания Монгольской комиссии Академии наук СССР (1927–1953), которая сыграла видную роль в изучении соседнего государства и в сотрудничестве российских и монгольских ученых.

В истории раскопок в Ноин-Уле тесно переплелись сенсации и амбиции, межличностные и межведомственные отношения, наука и политика. Совокупность именно этих обстоятельств, на наш взгляд, выделяет данные археологические раскопки из ряда не менее выдающихся, сделанных в первой четверти XX в., делает их не совсем обычными, неординарными, в определенной степени знаковыми в отечественной археологии⁴.

Счастливый случай и не сложившиеся обстоятельства

Адресуясь к Вам, Милостивые государи [...] я считал долгом [...] довести до вашего сведения и предоставить решить это вам.

А. Я. Баллод (1913)⁵

Все началось с неожиданной находки, сделанной зимой 1912 г. техником золотопромышленного общества «Монголор»⁶ А. Я. Баллодом. Производя

междоусобиц хуннская держава распалась, хунну разделились на несколько народов. Согласно широко распространенному мнению, часть хунну дошла до Европы и, смешавшись с уграми, стала называться *гуннами*. Об истории хунну см., например: *Гумилев Л. Н.* История народа хунну. М., 2008 г.; *Миняев С. С.* Исчезнувшие народы. Сюнну // *Природа*. 1986. № 4. С. 42–53.

³ В погребениях Ноин-Улы были найдены ковры, шерстяные и шелковые ткани, золотые украшения, деревянные и металлические изделия, образцы керамики, волосы, заплетенные в косы, и другой археологический материал, характеризующий культуру хунну времени китайской династии Хань. Особенно ценными и уникальными являются ткани, прекрасно сохранившиеся в условиях вечной мерзлоты. Коллекция тканей и вышивок из Ноин-Улы как по количеству, так и по сохранности не имеет себе равных в мире.

⁴ Автор ставил перед собой задачу рассмотреть данное археологическое открытие как факт истории науки, касаясь лишь в общих чертах описания коллекции и ее значения для изучения хунну. Эти вопросы подробно рассмотрены профессиональными археологами и историками, изучающими этот период, ссылки на труды которых приведены в статье.

⁵ Письмо А. Я. Баллода в ВСО РГО, 9 марта 1913 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 2. Д. 26. Л. 1–3.

⁶ Монголор – сокращенное название Русского акционерного общества рудного дела Тушетуханского и Цэцэнханского аймаков в Монголии, которое было основано в 1900 г. на основе концессии на разработку золота в этих аймаках, полученной бароном В. Ю. Гротом. Главными ак-

Страница письма А. Я. Баллода с рисунками предметов, найденных им в Ноин-Уле. 1913 г.
(ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 26. Л. 4)

разведку золота в горах Ноин-Ула ⁷, в долинах рек Судзуктэ и Дзурумтэ – притоках р. Хары, неподалеку от прииска компании в Дзун-Модо, он наткнулся на целый ряд больших курганов с глубокими воронками в центре. Посчитав, что эти ямы – остатки некогда бывших здесь горных выработок, Баллод заложил в одной из них (в Дзурумтэ) шурф глубиной 1,3 сажень ⁸. Начиная с глубины 2,5 сажень вместо золотоносных пород ему начали попадаться разные изделия и обломки из меди, железа, дерева, глины. На глубине 4,8 сажень Баллод обнаружил деревянный настил, оказавшийся потолком какого-то сдавленного тяжестью земляной насыпи сооружения. Дальнейшие раскопки и обследование непонятного строения принесли новые находки: глиняные сосуды, сплетенные в косы волосы, женские украшения, в том числе и золотые, кусочки ткани, остатки одежды и многое другое ⁹. Подобные предметы в этих местах находили и ранее. Заведующий приисками в Судзуктэ рассказал Баллоду, что во время золоторазведки 1911–1912 гг. в похожей яме были обнаружены небольшие чашечки из тонкого золотого листа, похожие на «обыкновенного размера весы, употребляемые и ныне для взвешивания золота» ¹⁰, а также много железных и медных обломков и один нож.

Баллод, желая привлечь к своим находкам внимание специалистов, чтобы «случайно встреченное» им не «осталось только записанным в [...] записной книжке и, может быть, опять на долгое время похороненным для науки» ¹¹, 9 марта 1913 г. сообщил о них в Восточно-Сибирский отдел (ВСО) РГО. В письме, озаглавленном «Древние могилы неизвестной народности на вершинах притоков р. Хара, в Монголии», он описал ход раскопок и найденные

пионерами Монгола были бельгийцы, русские банки (Санкт-Петербургский международный банк и др.) и Золоторосс (Российское золотопромышленное общество). С 1912 г. в связи с тем что за десять лет старые прииски были почти выработаны, активно развернулись новые разведочные работы. Для этого Монголор пригласил опытных русских горных инженеров и техников. С 1913 г. начались также научные геологические изыскания. Одним из первых эти места исследовал профессор Томского университета, будущий академик М. А. Усов. (См.: *Усов М. А.* Район приисков общества Рудного дела Тушетуханского и Цэцэнханского аймаков в Монголии, его геологическое строение и условия его золотоносности. Томск, 1914; *Усов М. А.* Орография и геология Кентейского хребта в Монголии // *Известия Геологического комитета.* 1915. Т. 34. Вып. 8. С. 889–991). Подробно о Монголоре см.: *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX века. Иркутск, 1994.

⁷ Ноин-Ула – южные отроги Хэнтэйского (Кентейского, как часто пишут в публикациях на русском языке) хребта, примерно в 100 км к северу от Улан-Батора. Сложены из гранита, пронизанного золотоносными жилами кварца. Могильные поля лежат на высоте более 1500 м в трех падах – Судзуктэ, Дзурумтэ, Гуджиртэ, заросших лесом.

⁸ При описании дальнейших событий мы будем ссылаться на переписку ВСО РГО по поводу находок Баллода, опубликованную в 1926 г. Я. Н. Ходукиным в его небольшой брошюре «Первые раскопки в горах Ноин-Ула» (Иркутск, 1926). Яков Николаевич Ходукин (1877–1937) – до 1920 г. сибирский общественный и политический деятель, позже занимался научной и музейной работой, заведовал Иркутским музеем. Скорее всего, письма Баллода его заинтересовали после обсуждения с Б. Э. Петри в 1924 г. находок, сделанных экспедицией Козлова в Ноин-Уле. О нем см.: *Шободоев Е.* Яков Николаевич Ходукин // *Сибирское наследие.* 2004. № 5 (см.: <http://www.irklib.ru/nasled/nasled5.htm>).

⁹ *Ходукин.* Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 4.

¹⁰ Там же. С. 6–7.

¹¹ Там же. С. 3.

предметы, с приложением рисунков и фотографий находок¹². В конце письма Баллод пообещал при первом удобном случае отправить в Иркутск все имеющиеся у него предметы, найденные в упомянутом шурфе.

Неизвестно как сложилась бы судьба открытия Баллода, если бы он послал свое письмо и посылку не в Иркутск, а в Кяхту, где в музее Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО хранилась коллекция не так давно уехавшего в Польшу Ю. Д. Талько-Грынцевича, который на рубеже XIX–XX вв. первый открыл археологические памятники хунну в России¹³. Найденные Баллодом предметы были во многом схожи с находящимися в музее и могли заинтересовать его заведующего П. С. Михно¹⁴, который сам проводил археологические раскопки, в том числе и на пограничных с Россией территориях Монголии. Возможно, это способствовало бы скорейшей организации работ в Ноин-Уле. Но письмо Баллода было направлено в отдел РГО в Иркутске, где в это время не было специалистов-археологов. Однако, предполагая научную значимость находок Баллода, руководство отдела переслало его письма в Петербург, в Академию наук и в РГО, и в Москву профессору Д. Н. Анучину, в то время заместителю председателя Московского археологического общества.

В ожидании ответов из научных центров ВСО РГО запросил у Баллода подробное описание места нахождения курганов, что и было им сделано в письме от 5 мая 1913 г. Баллод подчеркнул, что, по его мнению, в «этих ямах кто-то раньше нас копался [...] и если это было, то по всей вероятности очень давно, так как с тех пор эти ямы успели зарости крупным вековым лесом»¹⁵. В следующем письме от 22 мая он сообщил, что в Иркутск отправлены вещи из кургана (опись прилагалась)¹⁶.

Первым на запрос ВСО РГО 22 мая 1913 г. ответил Анучин¹⁷. Письмо Баллода он зачитал на заседании Московского археологического общества «в надежде, что в числе членов его найдутся лица, которые в состоянии будут дать разъяснения по довольно загадочным находкам». Однако никто, даже хорошо знавший Монголию и сам проводивший там археологические исследования

¹² Рисунки и фотография, к сожалению, очень плохого качества. Они хранятся вместе с письмом Баллода в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 142. Оп. 2. Д. 26).

¹³ Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич (1850–1936) – польский врач, антрополог, 16 лет прожил в Троицкосавске, где произвел раскопки около 100 захоронений. Анализируя результаты раскопок в Ильмовой пади, близ Кяхты, он предположил, что эти древние могилы могут быть захоронениями хунну: «погребение в срубах относится к первым векам после Р. Х.», а похороненные в них «по китайским источникам, не суть ли те из тюркских племен, которые в середине III в. до Р. Х. сплотились в одно могущественное государство Хун-ху» (Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Труды ТКО Приамурского отдела РГО. 1905. Т. 8. Вып. 1. С. 38, 46. См. также: Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Археологические памятники сунну. СПб., 1999. Вып. 4. С. 119–123).

¹⁴ О П. С. Михно см.: Константинов М. Арестованное краеведение // Сокровища культуры Бурятии. СПб., 2002. С. 231–232.

¹⁵ Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 7.

¹⁶ Там же. С. 10–11. Копия описи, сделанная Баллодом, находится также в Архиве РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 321. Л. 30–31. Посылка Баллода прибыла в Иркутск только в начале июля. Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 8.

¹⁷ Там же. С. 5.

Д. А. Клеменц¹⁸, не смог дать объяснения сообщенным фактам. Анучин показал это письмо находившемуся в тот момент в Москве немецкому путешественнику, неоднократно бывавшему и вновь готовившемуся к экспедиции в Монголию, Г. Констену¹⁹. Но и он ничего пояснить не мог. Не найдя специалиста по этому вопросу, Анучин передал письмо Баллода председателю общества графине П. С. Уваровой «для хранения, а м. б. и использования», если автор не будет возражать. Однако в своем письме в Восточно-Сибирский отдел Анучин отметил, что опубликовать это сообщение в изданиях общества без каких-либо пояснений, хорошего изображения вещей и точного указания местности, где они были обнаружены, не представляется возможным.

Что касается Академии наук, то письмо Баллода было зачитано на заседании Историко-филологического отделения 8 мая 1913 г. и передано для принятия окончательного решения по этому обращению директору Музея антропологии и этнографии (МАЭ) академику В. В. Радлову²⁰, хорошо знакомому с историческими памятниками Монголии²¹. Среди сотрудников музея по научным интересам и ближайшим планам ближе всех к Монголии на тот момент был Б. Э. Петри. Его интересовали байкальские буряты, их быт, культура, развитие религиозных верований, а также проблема происхождения сибирских народов и в целом проблема заселения Сибири. Для решения этих вопросов он широко использовал данные археологии и антропологии. Петри уже побывал в 1912 г. в Западном Прибайкалье и в 1913 г. собирался продолжить сбор этнографического материала и археологические раскопки. Скорее всего Радлов не успел познакомить его с просьбой ВСО РГО, поскольку 19 мая Петри уехал в экспедицию и, по-видимому, уже в Иркутске узнал о раскопках и находках Баллода, которые его заинтересовали. О желании петербургского ученого побывать в Ноин-Уле ВСО РГО тотчас сообщил Баллоду²².

Воодушевленный возможностью продолжения раскопок, горный техник в письмах от 4 июля и 20 августа подробнейшим образом разъяснил все особенности их организации: как добраться от Троицкосавска до приисков, когда лучше начать раскопки (удобнее производить в летнее время, поскольку «мерзлота сильно препятствует»), каких рабочих нанимать, сколько стоит их

¹⁸ Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) – археолог, этнограф. По поручению Академии наук в 1891–1896 гг. совершил несколько экспедиций в Монголию, в том числе в 1891 г. работал в составе Орхонской археологической экспедиции Академии наук под руководством академика В. В. Радлова. См.: *Клеменц Д. А.* Археологический дневник поездки в среднюю Монголию в 1891 г. // Труды Орхонской экспедиции. СПб., 1895. Т. 2; *Клеменц Д. А.* Краткий отчет о путешествии по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии наук. 1895. Т. 3. № 3. С. 261–274 и др.

¹⁹ Герман Констен (1878–1957) – немецкий путешественник. См.: *Consten, H.* Weiderplatze der Mongolen. Im Reiche der Chalda. Bd. 1–2. Berlin, 1919–1920.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 65. Л. 184.

²¹ Василий Васильевич Радлов (1837–1918) – востоковед-тюрколог, возглавлял в 1891 г. Орхонскую археологическую экспедицию Академии наук в Монголию, по результатам которой был составлен «Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии наук В. В. Радловым» (СПб., 1892). В каталоге запечатлены встреченные экспедицией археологические памятники, различного рода письма, архитектурные особенности монгольских монастырей.

²² Письмо от 4 июня 1913 г. См.: *Ходукин.* Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 7.

труд, какие необходимы инструменты и где их достать, какими продуктами запастись и т. д. Копии этих писем ВСО РГО переслал Петри²³, который, однако, углубившись в собственные исследования и раскопки, так и не смог в 1913 г. выбраться в Монголию.

Баллод, не дождавшись приезда петербургского ученого, поздней осенью 1913 г. вновь обратился в ВСО РГО с вопросом: «Намерено ли Географическое общество когда-либо ознакомиться поближе с этой местностью и древними ямами?» Если нет, то он был готов сам продолжить начатые исследования, поскольку, по его сведениям, уже «находятся частные лица, намеревающиеся поставить раскопки»²⁴. Для ведения работ и надзора за ними он попросил у Географического общества «материального содействия». Но перед тем как взять инициативу и производство этого исследования на себя, ВСО РГО в январе 1914 г. еще раз запросил Петри: «Примет ли Академия наук участие в исследовании древних могил, открытых А. Я. Баллодом?» Как пишет Ходукин, когда Петри отказался, «предпочтя работать в близкой ему области – по раскопке неолитической стоянки Улан-Хада, тогда и Академия наук замолчала»²⁵.

В 1916 г. Петри вновь приехал в Иркутск, а с 1918 г. обосновался здесь постоянно. В 1920 г. он был занят организацией областного краеведческого музея, в ведение которого перешли коллекции музея ВСО РГО²⁶, где хранились присланные Баллодом предметы из Ноин-Улы и его переписка с Географическим обществом. В 1922 г. Петри работал в Монголии в районе оз. Косогол (Хубсугул), собиравшись поехать туда и в 1923 г., чтобы заняться доисторической археологией и этнографией²⁷, о чем договаривался с Ученым комитетом Монголии²⁸. Он полностью погрузился в изучение прибайкальской неолитической культуры. Ноин-Уле в планах ученого места так и не нашлось²⁹.

ВСО РГО, скорее всего, не смог найти средств и, наверное, специалиста, заинтересованного в организации раскопок в Монголии. Хотя момент был достаточно благоприятным: курганы находились на территории приисков российско-бельгийского общества, а разведочными работами руководил сам Баллод, который предлагал к тому же свое административное содействие в случае приезда ученых.

²³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 89. Л. 59–59 об. и Л. 62–63 (машинописные копии писем А. Я. Баллода).

²⁴ Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 9–10; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 89. Л. 57, 57 об.

²⁵ Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула... С. 10.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Д. 2. Л. 42–45.

²⁷ Письмо Б. Э. Петри П. К. Козлову, 10 мая 1924 г. // Архив Русского географического общества (Архив РГО). Ф. 18. Оп. 3. Д. 528.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 227. Л. 12–15; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы / Отв. ред. Ф. И. Долгих, Г. Цэрэндорж. М.; Улаанбаатар, 1975. Т. 1 (1921–1940). С. 86–88.

²⁹ Петри был в курсе раскопок, проводимых Козловым в Ноин-Уле. Об их начале ему весной 1924 г. сообщил проезжавший через Иркутск первый секретарь полпредства СССР в Монголии В. И. Юдин. После получения этого известия Петри 10 мая 1924 г. обратился к Козлову с просьбой сообщить подробности их проведения (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 528). Козлов ответил Петри 17 августа 1924 г. (Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб., 2003. С. 274).

Итак, о находках в Ноин-Уле знали три авторитетнейших научных организации: РГО, Академия наук и Московское археологическое общество. О нем были уведомлены крупнейшие ученые: Анучин, Клеменц, Петри, Радлов, знал и немецкий путешественник Констен. Но, как это часто бывает, личные научные интересы, всегда присутствующие финансовые трудности, возможно, и несколько снисходительное отношение к информации любителя археологии, его недостаточного качества рисунки и фотографии не позволили с должным вниманием отнестись к сообщению Баллода, который умер, так и не дождавшись содействия в организации раскопок.

Казалось, про Ноин-Улу все забыли.

«*Motto* в сторону археологических разведок и открытий»³⁰

Нет худа без добра: может быть вынужденная остановка – задержка экспедиции – принесет РГО, а с ним и вообще науке, большую пользу, нежели та, на которую рассчитывали вначале.

П. К. Козлов (1924)³¹

25 июля 1923 г. на Московском вокзале Петрограда торжественно провожали в далекий путь Монголо-Тибетскую экспедицию РГО под руководством известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Ее целью являлось продолжение раскопок в засыпанном песками Гоби городе Хара-Хото и географическое изучение Цайдама. Кроме того, Козлов надеялся в этот раз осуществить свою заветную мечту: попасть в Лхасу – столицу Тибета. Этот географический подвиг должен был стать достойным завершением его исследовательской карьеры.

Однако на стадии организации экспедиции Козлов столкнулся с непредвиденными трудностями. Руководители Академии наук, в частности, вице-президент В. А. Стеклов и непреременный секретарь С. Ф. Ольденбург, резко негативно отнеслись к планам путешественника, о чем официально сообщили в правительственные инстанции. По мнению Академии наук, экспедиция Козлова имела два серьезных недостатка: методический и кадровый. Организованная для проведения маршрутно-рекогносцировочных исследований, она была укомплектована молодыми людьми, не имеющими достаточной научной квалификации. Экстенсивно-описательный период в изучении Монголии, по мнению авторитетных ученых, уже прошел, требовались детальные специализированные исследования природных ресурсов и культуры. Но, пожалуй, самая главная претензия была чисто утилитарной: Академия наук опасалась, что дорогостоящее предприятие Козлова скажется на финансировании ее собственной экспедиционной деятельности. Однако несмотря на противодействие

³⁰ Кондратьев С. А. Дневник 1923–1924 гг. // Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и России / Ред.-сост. И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков. СПб., 2006. С. 142.

³¹ Письмо П. К. Козлова к В. Л. Комарову, 16 марта 1924 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 772.

П. К. Козлов, 1924 г. Монголия (Архив Музея
П. К. Козлова в Санкт-Петербурге)

академического сообщества правительство утвердило Монголо-Тибетскую экспедицию РГО. Одним из главных аргументов осуществления этого проекта стало совпадение интересов: научных Козлова и геополитических Советской России.

Экспедиция прибыла в столицу Монголии Ургу ³² 1 октября 1923 г. Здесь Козлов планировал окончательно сформировать караван, получить паспорта для работы на территории Китая и как можно скорее выступить по намеченному маршруту. Но судьба распорядилась иначе ³³.

В Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) и Главное политическое управление (ГПУ) поступили сообщения о якобы политической неблагонадежности Козлова. Под давлением двух влиятельных учреждений Политбюро ЦК РКП(б) 22 ноября 1923 г. приняло решение о прекраще-

нии деятельности Монголо-Тибетской экспедиции и отзыве ее в Россию ³⁴. Правда, правительственный куратор экспедиции, управляющий делами Совета народных комиссаров (СНК) Н. П. Горбунов, в письме Козлову это решение объяснил сложной международной обстановкой, сложившейся в регионе, и настроенным отношением к экспедиции англичан.

Не подозревая о серьезности ситуации (за его спиной – доносы, обвинения в белогвардейских настроениях и т. д. ³⁵), Козлов не выполнил приказ центра.

³² В конце ноября 1924 г. Урга была переименована в Улан-Батор.

³³ Подробно об истории Монголо-Тибетской экспедиции см.: Андреев А. И., Юсупова Т. И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова 1923–1926 гг. // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 51–74.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 395. Л. 1. Первый раз вопрос о неблагонадежности Козлова и целесообразности его экспедиции был поднят Ф. Э. Дзержинским и рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в июле 1923 г. Но тогда политбюро по предложению И. В. Сталина ограничилось введением в состав экспедиции политкомиссара. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 362. Л. 6; Ф. 76. Оп. 3. Д. 293. Л. 2).

³⁵ В одном из писем на имя Дзержинского указывалось, что состав экспедиции и сам Козлов настроены по-белогвардейски, между собой члены экспедиции говорят о возможном невозвращении в Россию и высказывают надежду, что к моменту окончания экспедиции в России не будет ни советской власти, ни комиссаров (Андреев А. И. От Байкала до Священной Лхасы. СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 101–102). Сам Дзержинский в докладной записке от 26 июня 1923 г. в Политбюро ЦК РКП также указывал, что «состав экспедиции состоит из лиц, чуждых интересам Советской России», а Козлов, по его сведениям, в конце 1921 г. контактировал с американским консульством (!?) (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 293. Л. 2). Назначенный Политбюро комиссар экспедиции Д. М. Убугунов уточнял в своем донесении в НКВД 20 января 1924 г.: «Кадры научных работников политическую опасность представлять не могут за исключением

Значительно сократив состав экспедиции, он остался в Монголии в надежде на то, что к весне международная обстановка, а в связи с этим и мнение властей, могут измениться. Для выяснения всех обстоятельств и будущего экспедиции Козлов командировал в Москву сотрудника экспедиции Е. П. Горбунову, сестру высокопоставленного государственного деятеля.

Именитому путешественнику трудно было понять, почему, потратив такие большие средства на организацию Монголо-Тибетской экспедиции³⁶, правительство решило ее отменить. Тяжелые размышления о судьбе его последнего «детища» нашли отражение в экспедиционных дневниках³⁷. Движимый желанием оправдать «доверие и симпатии народа»³⁸ и собственными честолюбивыми исследовательскими планами, Козлов мучительно искал выход из создавшегося положения. Вспоминая свое предыдущее Монголо-Сычуаньское путешествие, прославившее его сенсационными археологическими находками в Хара-Хото³⁹, он с особым вниманием начал относиться к сообщениям местных жителей о различных древностях в окрестностях Урги.

Поворотным моментом в судьбе экспедиции можно назвать разговор Козлова с польским колонистом И. Я. Ежо, работавшим на приисках «Монголора», который состоялся 15 февраля 1924 г. Ежо сообщил о странных «пещерах» в горах недалеко от приисков, в которых, по его словам, когда-то были найдены шелковые обои, нефритовые вещи, золотые пуговицы и даже скелеты людей. Через два дня, 17 февраля, Козлов и его помощник С. А. Кондратьев обсудили полученные сведения с одним из руководителей монгольского Ученого комитета Ж. Ц. Жамцарано. А еще через несколько дней, 20 февраля, Козлов отправил Кондратьева вместе с Ежо в Дзун-Модо осмотреть таинственные «пещеры».

Бурные политические события и войны прервали деятельность золотодобытчиков, оборудование было законсервировано, прорубленные дороги стали зарастать. По засыпанным снегом перевалам с трудом добрались до Судзуктэ.

разве П. К. Козлова» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8429. Оп. 4. Д. 41. Л. 70–71).

³⁶ На снаряжение Монголо-Тибетской экспедиции правительство выделило в 1923 г. огромные по тем временам деньги – сто тысяч рублей золотом, что было примерно в 10 раз больше средств, направленных на экспедиционную деятельность РАН.

³⁷ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции...

³⁸ Там же. С. 24.

³⁹ При раскопках «мертвого» города Хара-Хото на р. Эдзин-Гол в песках южной Гоби в 1908 и 1909 гг. Монголо-Сычуаньская экспедиция Козлова сделала уникальные археологические находки. В одной из культовых построек – субургане, получившем название «знаменитый», – была найдена богатейшая коллекция, содержащая тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т. п. Материалы из «знаменитого» субургана позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982–1227 гг.) на территории современного северного Китая. Сейчас коллекции из Хара-Хото хранятся в Эрмитаже (произведения искусства) и в Санкт-Петербургском институте восточных рукописей РАН (рукописная часть). Подробнее см.: Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923; Кычанов Е. И. Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Ред. И. Ф. Попова. СПб., 2008. С. 130–147; Юсупова Т. И. Монголо-Сычуаньская экспедиция и открытие Хара-Хото // Там же. С. 112–129.

Показанные Ежо курганы с «пещерами» представляли собой небольшие возвышения круглой формы с воронкообразным углублением в середине. В трех из них нашли старые деревянные крепы, особенно сохранившиеся в кургане, где работал польский колонист ⁴⁰.

В Дзун-Модо Кондратьев познакомился со смотрителем прииска и его имущества бывшим служащим «Монголора» А. А. Кузнецовым. Из обстоятельного разговора с ним выяснилось, что осмотренные курганы действительно представляли собой древние сооружения, а не заброшенные штольни золото-добытчиков.

Новость о гостях, интересующихся древними могилами, быстро облетела маленький поселок. Ежо принес от вдовы Баллода хранившиеся у нее остатки вещей, выкопанных мужем из дзурумтинского кургана: несколько мелких обломков листового золота (один с инкрустацией), маленькие кусочки сероватой материи, кусок дерева, отполированный с двух сторон, прядь черных волос и змея из прозрачной оранжевой массы, похожей на янтарь. На следующий день к Кондратьеву пришла сама Д. М. Баллод и передала еще несколько археологических находок мужа и письмо к знакомому в Урге, у которого хранились другие найденные во время раскопок предметы ⁴¹.

Кондратьев вернулся в Ургу 1 марта, а в это время Козлов сам уехал в Дзун-Модо, где также познакомился с Кузнецовым и осмотрел курганы, или, как он их называл, «холмы древнего происхождения с глубокими могилами». Древние захоронения располагались в трех лесистых падах (Судзуктэ, Дзурумтэ (или Цзурумтэ) и Гуджиртэ) в недалеком соседстве одна от другой. Как рассказали Козлову, один из курганов был разрыт, и из него извлечены очень интересные находки. Большая часть добытых предметов была отправлена в Иркутск в отдел РГО, меньшая, но ценная (золото) – припрятана в карманы ⁴².

По возвращении в Ургу Козлов решает «попытать счастья» ⁴³ и на свой страх и риск начать не входящие в утвержденный высокими инстанциями план работы экспедиции археологические раскопки в горах Ноин-Ула. Но прежде чем приступить к раскопкам, Козлов согласовал все свои действия с Ученым комитетом и лично с Жамцарано и получил разрешение монгольского правительства на проведение работ.

Накануне отъезда «археологов» экспедиции в Ноин-Улу Козлов обстоятельно проинструктировал своих сотрудников по поводу предстоящих раскопок, определил последовательность и порядок работы. 20 марта Кондратьев и В. А. Гусев вместе с Ежо уехали в Дзун-Модо, чуть позже (2 апреля) к ним присоединился А. Д. Симуков.

В публикациях последних лет нередко, на наш взгляд, принижают роль Козлова в археологических открытиях в Ноин-Уле. Аргументов три: первым обнаружил и раскопал курганы Баллод; раскопками в 1924–1925 гг. руководил, в основном, Кондратьев (забывая, что он делал это по поручению Козлова); раскопки велись непрофессионально и только благодаря археологу С. А. Теп-

⁴⁰ Кондратьев. Дневник 1923–1924 гг... С. 145–146; Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

⁴¹ Кондратьев. Дневник 1923–1924 гг... С. 147.

⁴² Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 144.

⁴³ Там же.

Фрагмент ковра «Лось с грифоном», найденного в Ноин-Уле (из: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925)

лоухову ноин-улинские находки приобрели научное значение. Приведенные факты, на наш взгляд, очень важны, но вторичны. А первично и наиболее важно, как, впрочем, и в любом научном исследовании, – рождение идеи и принятие решения по ее реализации. Недаром в первом параграфе нашего повествования мы так подробно остановились на переписке Баллода с научными учреждениями. Не повторилась бы эта история, если бы Козлов только проинформировал РГО и Академию наук о древних курганах в Ноин-Уле и не начал самостоятельно проведение раскопок?

Не надо также забывать, что Козлов принял решение о раскопках в момент, когда деятельность экспедиции официально была прекращена, ее полная ликвидация прошла по всем инстанциям, и в весьма компетентных органах сложилось очень недоброжелательное отношение лично к начальнику экспедиции⁴⁴.

К апрелю 1924 г. во многом благодаря стараниям и связям Горбуновой Монголо-Тибетская экспедиция получила разрешение правительства на работу в Монголии на предстоящий летний сезон. Надо сказать, что Главнаука⁴⁵, в непосредственном ведении которой находилась экспедиция, была недовольна

⁴⁴ Е. П. Горбунова, отчитываясь о своей поездке в Москву, писала Козлову 15 мая 1924 г.: «Когда я приехала, я узнала, что экспедиция задержана не временно, но полная ее ликвидация прошла по всем инстанциям еще в ноябре месяце, и нашего возвращения ждали, не считая нужным отвечать на телеграммы [...] Я наткнулась на полную осведомленность, поразительно точную, и очень недоброжелательное отношение к Вам лично...» (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 177. Л. 1).

⁴⁵ Главнаука – Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР.

решением правительства, о чем сообщила ее куратору Горбунову в письме от 19 мая 1924 г. В нем, в частности, отмечалось:

Поддерживая экспедицию П. К. Козлова, Главнаука ожидала от нее крупных научных результатов, главным образом ввиду предполагавшегося исследования Тибета. Между тем, по полученным от экспедиции сведениям результаты почти годовой работы не оправдали возложенных надежд⁴⁶.

Главнаука просила разрешения отозвать экспедицию, финансирование которой было непосильным бременем для ведомства, а неизрасходованные средства передать на нужды других своих экспедиций. Горбунов не стал менять только что принятое правительством решение, заверив 23 мая 1924 г. Управление научными учреждениями, что «результаты работы Монголо-Тибетской экспедиции в течение текущего весенне-летнего и осеннего сезона дадут большие научные результаты»⁴⁷. Интуиция его не обманула.

Пока в Москве очередной раз решалась судьба экспедиции, в Ноин-Уле всю шли раскопки.

Первые сенсации

Его [Козлова] несомненной счастливой особенностью нужно считать умение организовывать добычу материалов, умение в минимальный срок и наиболее дешевым способом организовать эту добычу, правда, отступая иногда от точного соблюдения всех правил раскопок. Да и последний недостаток искупается грандиозностью конечных результатов.

*В. А. Казакевич (1935)*⁴⁸

Прибыв в Судзуктэ, место нахождения самой большой группы курганов, Кондратьев, Гусев и Симуков расположились в одном из домиков золотого прииска на южном склоне перевала. Никто из них не был не только профессиональным археологом, но и вообще не имел никакого опыта ведения археологических раскопок. В экспедицию Козлова они попали, что называется, «по зову сердца».

Сергей Александрович Кондратьев (1896–1970)⁴⁹ был человеком много-сторонних дарований и, на первый взгляд, трудно совместимых интересов. Студентом естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета он в 1916 г. был призван в армию. Закончил пехотное училище в Иркутске, где получил основательную военную подготовку, научился вести топографическую съемку, определять астрономические координаты, препарировать животных. После демобилизации в 1918 г. серъ-

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 41. Л. 40.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 4. Д. 41. Л. 39.

⁴⁸ Казакевич В. А. Памяти П. К. Козлова // Советская этнография. 1935. № 6. С. 141–142.

⁴⁹ О нем см.: Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева...

езно увлекся Востоком и буддизмом, поступил в Московский институт востоковедения, с 1922 г. продолжил обучение в Петроградском университете. Имел прекрасное музыкальное образование, сочинял музыку, писал стихи.

Узнав об экспедиции Козлова, первоначально заявленной как Тибетская⁵⁰, Кондратьев обратился к именитому путешественнику с просьбой зачислить его в состав экспедиции. Он воспринимал Тибет скорее как сакральное, а не географическое понятие и надеялся именно там, вдали от благ цивилизации и житейской суеты, осознать свое жизненное предназначение и найти свой путь к гармонии личности. Первоначально Козлов зачислил его в конвой экспедиции, но после отзыва в октябре 1923 г. по требованию ОГПУ из Монголии своего старшего помощника С. А. Глаголева назначил Кондратьева на его место.

Юный Андрей Симуков (1902–1942)⁵¹ попал в Монголию со студенческой скамьи Московского механико-электротехнического института. Участие в Монголо-Тибетской экспедиции стало для него реализацией юношеской мечты о дальних путешествиях, к которым он готовил себя с детства, осваивая разнообразные навыки, необходимые для трудной походной жизни.

Большую помощь начинающим археологам в организации и проведении раскопок оказал Алексей Александрович Кузнецов⁵². Он стал практически консультантом экспедиции. Сталкиваясь с какой-либо технической проблемой, участники раскопок обращались к нему за помощью. Как пишет в своих дневниках Козлов,

когда приходилось от Кузнецова выслушать именно то, к чему нас приводила наша небольшая опытность, то мы торжествовали, ободрялись и становились более сильными и более решительными⁵³.

Производить раскопки вначале наняли партию русских рабочих, но, как оказалось, с ними было «много недоразумений». Через некоторое время их заменили бригадой китайцев, работой которых все были очень довольны⁵⁴.

⁵⁰ Экспедиция готовилась и была утверждена правительством как Тибетская. Однако после вмешательства в его планы НКВД и ОГПУ Козлову пришлось переориентировать деятельность экспедиции на изучение Монголии. В литературе за этой экспедицией закрепилось название «Монголо-Тибетская».

⁵¹ О нем см.: Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1–3. Осака, 2007. После окончания экспедиции Симуков остался в Монголии, работал в Ученом комитете, занимался географическим исследованием страны. Автор «Географического атласа МНР» и других работ по географии и этнографии Монголии. Арестован в сентябре 1939 г. в Монголии, умер в заключении.

⁵² Монгольское правительство выдало Кузнецову распоряжение содействовать экспедиции и предоставлять необходимые ей инструменты (Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 183).

⁵³ Там же. С. 194.

⁵⁴ Козлов пишет в дневниках: «Должен признать, и это общее мнение, что китайцы-рабочие несравненно выгоднее русских во многих, если не сказать во всех отношениях» (Там же. С. 193). В отчете о вторичной разработке Верхнего кургана он, засвидетельствовав «действенное участие всех членов экспедиции в раскопках», особенно отметил, что «может быть более всех успеху работы способствовал талантливый рабочий-китаец Хан Чай». (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 113. Л. 3).

Уже 24 марта началась разработка кургана № 6, или Верхнего, одного из самых крупных в судзуктинской группе и самом крупном в восточной подгруппе⁵⁵. Козлов мотивировал его выбор «основательностью» всего сооружения и хорошей сохранностью внешней формы.

Расчистив курган от снега, приступили к сооружению шурфа – деревянного сруба-колодца сечением 1 кв. сажень (2,13 м × 2,13 м). Чтобы прогреть мерзлую землю приходилось раскладывать костры. Работа шла трудно. Были дни, когда удавалось продвинуться не более чем на метр. Раскопкам мешала вода, постоянно заполнявшая выкопанную яму. График работы был крайне напряженным: трудились по десять часов, при необходимости копали даже ночью.

Из разговоров с Ежо было известно, что погребение состоит из двух деревянных камер, во внутренней должен находиться гроб. Шурф закладывали по центру воронки, предполагая, что это увеличивает вероятность обнаружить бревенчатое перекрытие внешней камеры гробницы. Так оно и оказалось. До крыши наружной камеры погребального помещения, вернее, до крыши южного, хорошо сохранившегося коридора, находившейся на глубине 11 м от дна воронки кургана, дошли через месяц, 24 апреля, как раз к моменту приезда в Судзуктэ начальника экспедиции. Работу значительно усложняла вода, которая стала появляться в затрудняющих дальнейшую разработку количествах⁵⁶.

Козлов спустился в шурф, все осмотрел и, обсудив с Кузнецовым и Кондратьевым план дальнейшей работы, дал указание продолжать раскопки вдоль стен постройки. Сам он вновь уехал для проведения зоологических наблюдений в верховья р. Хары и вернулся в Судзуктэ 10 мая. За это время рабочие обнаружили ход в погребальное помещение, проделанный когда-то грабителями, и попали в его южный коридор, откуда, прорубив два бревна внутренней камеры, проникли в саму гробницу, где находился гроб «из капитальных досок вековой лиственницы», крышка которого стояла отдельно. Вытаскивали гроб с большим трудом. 19 мая Козлов записал в дневнике:

Сегодня с риском и напряжением физических сил извлекают по частям гробницу. Нет никакой возможности вытаскивать доски колоссальных размеров и большой тяжести целиком, с болью в сердце пришлось их наискось пилить и по частям извлекать на дневную поверхность. На доске крышки видны орнаменты бывших золотых и шелковых украшений. Очень любопытно, что покровом доски, в виде украшения, служил шелк с художественной тонкой вышивкой [...] Невольно чувствуется во всем работа проклятых хищников⁵⁷.

На следующий день, 20 мая, дальнейшие раскопки кургана пришлось остановить: начались обвалы и оползни стен шурфа; курган «начал упрямыться,

⁵⁵ Козлов П. К. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности Ноин-Ула, Южный Кэнтэй, Монголия // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 199.

в нем обвалился потолок, с большим трудом удалось извлечь последние находки и часть гробницы»⁵⁸. Вообще, раскопки проходили с риском для жизни. Неопытные археологи при всем их старании следовать «технике безопасности» неоднократно попадали в непредвиденные ситуации. Это понимал и Козлов, отметив в своем дневнике: «Могу сказать утвердительно: “Очень опасное дело раскопки!”»⁵⁹.

Верхний курган дал самое большое количество находок – всего было добыто около 650 предметов (включая предметы, найденные при вторичной разработке кургана в марте 1925 г.)⁶⁰. Среди них, в первую очередь, следует отметить ставший знаменитым войлочный ковер со сценами борьбы яка с рогатым львом и крылатого грифона с оленем и не менее уникальный гобелен «Всадники», а также серебряные бляхи с изображением яков и оленя. Особое место среди находок занимают деревянные лакированные чашечки с надписями, благодаря которым удалось произвести точную датировку этого ноин-улинского захоронения – первое десятилетие нашей эры⁶¹.

Одновременно с работой в Верхнем кургане, или кургане № 6, как он значится на плане Козлова, в Судзуктэ, производилась заключительная разведка в баллодовском шурфе в урочище Дзурумтэ. Этот курган служил своего рода учебным полигоном для экспедиции. Козлов писал:

По баллодовскому шурфу мы брали уроки – учились для последующих работ. Всякое побочное обстоятельство, изучаемое нами, могло пригодиться нам в ведении работ в новых курганах⁶².

Завершив работы на Верхнем, Козлов и Кондратьев обошли и обстоятельно осмотрели, измерили и зарегистрировали все курганы в трех ущельях. Всего насчитали 212 больших и маленьких курганов. Козлов предложил своему помощнику продолжить раскопки на других курганах и определил порядок дальнейшей работы⁶³.

Добытые многочисленные археологические находки несколько снизили груз ответственности Козлова за самовольно принятое решение о проведении раскопок. Свой отчет в РГО и Главнауку от 1 июня 1924 г. о результатах весенней деятельности экспедиции он завершил оптимистическим заверением:

⁵⁸ Там же. С. 201.

⁵⁹ Там же. С. 277.

⁶⁰ Верхний курган, или курган № 6, разрабатывали дважды: весной 1924 г. и в марте 1925 г. Раскопки этого кургана «открыли» и «закрыли» археологические работы Монголо-Тибетской экспедиции в Ноин-Уле. Козлов П. К. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции РГО 1923–1926 гг. Л., 1928. С. 2–3. Перечень добытого в Верхнем кургане см.: Опись предметов в «Верхнем» № 6 кургане // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102; Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; Umehara, S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo, 1960.

⁶¹ Надписи на чашечках первым прочитал японский ученый С. Умехара, который датировал их изготовление 2 г. до н. э.

⁶² Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 193.

⁶³ Всего Монголо-Тибетская экспедиция с марта 1924 г. по май 1925 г. произвела раскопки шести больших (не считая баллодовского кургана и кургана № 24, раскопанного С. А. Теплоуховым), двух средних и трех малых курганов. (Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

Фрагмент ковра «Всадники», найденного в Ноин-Уле (из: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова)

«Работаем до упоения, и если будет так продолжаться и дальше, то можно надеяться, что экспедиция посильно исполнит долг перед Родиной»⁶⁴.

Как известно, судьба научных открытий зависит от множества факторов. Не последнюю роль играют удачное стечение обстоятельств (фактор удачи) и стиль преподнесения открытия (фактор стиля)⁶⁵. И если удача зачастую ассоциируется со случайностью, то продвижение того или иного достижения во многом зависит от личных качеств исследователя. Козлов умел сделать, как сказали бы сегодня, «промоушен» своим успехам и вызвать общественный и научный интерес к своей деятельности.

Первые смотрины археологических находок Козлов устроил 13 июня в Урге, пригласив представителей Ученого комитета, знакомых иностранцев, проживающих в столице Монголии, своих друзей. Жамцарано и председатель бурятского Учкома Б. Б. Барадийн – самые компетентные из осмотревших коллекции – высоко оценили найденные в Ноин-Уле предметы и сравнили этот успех Козлова с его археологическими открытиями в Хара-Хото. Однако никто из присутствующих не мог определить, чьи это захоронения и к какому времени они относятся.

Через несколько дней, 23 июня 1924 г., в «Ургинской газете»⁶⁶ появилась первая печатная информация о раскопках. Одновременно Козлов отправил статью о достижениях экспедиции в Москву в «Известия ВЦИК», где она была опубликована 15 июля 1924 г.⁶⁷

Это сообщение вызвало большой интерес в научных кругах и пристальное внимание к экспедиции Российской академии наук.

Сенсации и амбиции

Успех нашего Козлова уже второй раз в области археологии заставил восторгнуться членов Академии наук.

*Ю. М. Шокальский (1924)*⁶⁸

Что касается Академии наук, то начавшиеся в Монголии раскопки вызвали у нее не только огромный интерес, но и большое беспокойство из-за отсутствия в Монголо-Тибетской экспедиции профессиональных археологов. На следующий день после выхода в «Известиях» статьи Козлова Ольденбург выступил на заседании совета Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) с предложением усилить научный состав экспедиции и направить

⁶⁴ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 169–170.

⁶⁵ Бажанов В. А. Научные открытия и специфика их оценки и ассимиляции // ВИЕТ. 2007. № 3. С. 179–185.

⁶⁶ Козлов П. К. Раскопки в районе Дзун-Модо // Ургинская газета. 23 июня 1924 г. № 81. С. 1.

⁶⁷ П. К. Козлов о своих работах в Монголии (письмо начальника Тибетской экспедиции путешественника П. К. Козлова) // Известия ВЦИК. 15 июля 1924 г. № 159. С. 2.

⁶⁸ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 334.

в Монголию археологов⁶⁹. Одновременно Ольденбург посоветовал РАИМК – ведущему археологическому учреждению

возвысить свой голос на защиту своих прав и указать, чтобы ответственные работы археологического характера, согласно положению об Академии истории материальной культуры, велись в координации с нею⁷⁰.

К мнению Ольденбурга присоединился председатель РАИМК академик Н. Я. Марр. В своем письме председателю РГО Ю. М. Шокальскому он выразил недовольство тем, что Козлов ничего не сообщил его учреждению о своих работах и не просил содействия специалистов. Марр заключает:

Все это заставляет бояться, что повторяются и здесь те же дела, какие имели место в Хара-Хото⁷¹. РАИМК полагала бы в интересах общего дела желательным, чтобы об археологических работах русских экспедиций производились бы предварительные сношения, а затем, чтобы ее держали в курсе производимых работ⁷².

Козлов действительно не торопился сообщать в Академию наук о начале раскопок. Зная скептическое отношение к своей археологической деятельности «присяжных жрецов науки»⁷³, он предполагал написать Ольденбургу «впоследствии, по мере развития работ и их результатов». При этом Козлов, сознавая, что в этот раз без помощи специалистов ему не обойтись, попросил секретаря РГО В. Л. Комарова, если он сочтет нужным, поговорить с Ольденбургом, «подсказ которого в данном случае м. б. очень пригоден»⁷⁴. Но руководство Географического общества решило до выяснения значения археологических находок не информировать непременно секретаря Академии наук о раскопках.

Ольденбург после обсуждения статьи Козлова с советом РАИМК обратился к управделами СНК с просьбой командировать в Монголию археолога С. А. Теплоухова и специалиста по скифскому искусству Г. И. Боровку⁷⁵. Правительство поддержало предложение Академии наук, тем более что для

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 35.

⁷⁰ Архив Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН Ф. 2. Оп. 1924. Д. 144. Л. 2.

⁷¹ Архив РГО. Ф. 1–1924. Оп. 1. Д. 5. Л. 33. Выполненные на невысоком профессиональном уровне, раскопки в Хара-Хото в свое время вызвали серьезные нарекания археологов.

⁷² Письмо Н. Я. Марра к Ю. М. Шокальскому, 24 июля 1924 г. // Архив РГО. Ф. 1–1924. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

⁷³ Так Н. М. Пржевальский, а вслед за ним и Козлов называл ученых – специалистов в конкретных областях знания.

⁷⁴ Письмо П. К. Козлова к В. Л. Комарову, 16 марта 1924 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 772. Л. 3.

⁷⁵ Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934) – археолог, этнограф, заведующий сибирским отделением Этнографического отдела Русского музея, сотрудник РАИМК. О нем: *Решетов А. М.* Интеграция наук в научной деятельности и трудах С. А. Теплоухова // *Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов.* Омск, 2003. С. 17–21. Григорий Иосифович Боровка (1894–1941) – археолог, историк античного и скифского искусства, хранитель эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа, сотрудник РАИМК. О нем см.: *Зуев В. Ю.* Материалы к биографии Григория Иосифовича Бо-

такого решения не требовалось дополнительного финансирования: у Козлова были для этого средства «ввиду невозможности экспедиции следовать по первоначально намеченному тибетскому маршруту», о чем указывалось в письме председателя Совнаркома А. И. Рыкова от 2 августа 1924 г. в адрес советского полпредства в Монголии и путешественника. Правительство предписывало Козлову зачислить ученых в штат Монголо-Тибетской экспедиции на все виды довольствия ⁷⁶.

Оформление документов затянулось, и археологи прибыли в Ургу только 19 сентября 1924 г., когда полевой сезон уже близился к завершению. К приезду Теплоухова и Боровки Монголо-Тибетская экспедиция произвела раскопки в пяти больших курганах (Верхний, или № 6, № 23, № 25, Мокрый – в Судзуктэ; Андреевский – в Дзурумтэ) и был начат шестой (Кондратьевский, в Дзурумтэ), в одном среднем и двух малых курганах. В работе участвовали кроме Кондратьева, Симуква, Гусева и другие участники экспедиции: К. К. Даниленко, Е. В. Козлова, Е. П. Горбунова (после возвращения из России).

Незадолго до приезда командированных Академией наук археологов Козлов сделал еще один «промоушен» своему открытию: пригласил ознакомиться с ноин-улинскими раскопками руководителя Центральноазиатской экспедиции Нью-Йоркского музея естественной истории Р. Ч. Эндрюса. Его экспедиция уже второй год работала в Монголии, занимаясь поиском ископаемых животных. Эндрюс с большим интересом осмотрел только что начатый Кондратьевский курган и даже вместе с Козловым спустился в шурф. Американского ученого поразил энтузиазм старшего коллеги, с которым он в свои «за шестьдесят» работал, как двадцатилетний юноша. Позже, описывая встречу с русским путешественником, Эндрюс отметил, что он рассматривал «как исключительную привилегию возможность встретиться с этим великим исследователем старой школы и увидеть его в работе» ⁷⁷.

Теплоухов осмотрел раскопки 24 сентября. Археолог признал сделанное экспедицией в общих чертах удовлетворительным, однако в деталях отметил некоторые упущения, которые он предполагал устранить. Козлов согласился, что его экспедиции было не по плечу детальное изучение археологических памятников, ее задача иная – проведение рекогносцировочных исследований.

На самом деле раскопки экспедиции мало удовлетворили Теплоухова ⁷⁸, о чем он откровенно написал Ольденбургу 13 октября 1924 г. Указав на серь-

ровки // Санкт-Петербург и отечественная археология / Отв. ред. И.П. Тихонов. СПб., 1995. С. 145–156.

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 24. Л. 31.

⁷⁷ Andrews, R. Ch. The New Conquest of Central Asia. N. Y., 1932. P. 235. На память о встрече Эндрюс подарил Козлову свой портрет и книгу *Across Mongolian Plains* (New York; London, 1921), с дарственной надписью «Генералу П. К. Козлову, чьи выдающиеся достижения вдохновили американских исследователей». Книга и портрет хранятся в музее-квартире Козлова в Санкт-Петербурге. См.: Юсупова Т. И. Российско-американские встречи в Центральной Азии: П. К. Козлов и Р. Ч. Эндрюс // Санкт-Петербург – США. 200 лет российско-американских дипломатических отношений / Отв. ред. Е. Н. Кальщиков. СПб., 2009. С. 237–249.

⁷⁸ Козлов почувствовал неудовлетворение Теплоухова проведенными экспедицией раскопками, о чем записал в дневнике: «У самого кургана Мокрого мы на минуту-другую остановились: мой С. А. Теплоухов пошел взглянуть на него, на шурф в нем, и подумал, вероятно, так не

Черная лакированная чашечка, найденная в Ноин-Уле, по надписи на которой было датировано время захоронения. Фото автора.

езные упущения при ведении работ, Теплоухов сообщил, что первоначально хотел ограничиться лишь исправлениями уже сделанного («проверив планы могильников, дополнив неудовлетворительные дневники расспросами, выяснив небольшими раскопками некоторые детали погребения, я хотел этим и ограничиться»), но «политические соображения (конечно, академические) как внешние, так и внутренние, также желание всех окружающих» заставили его решиться самому раскопать один курган ⁷⁹.

Для выяснения деталей захоронения по всем правилам археологической науки методом «открытой разработки» Теплоухову требовались не менее 30 рабочих «со стальными лопатами», что являлось в то время в Монголии дефицитом, и деньги, около полутора тысяч рублей. Козлов, конечно, возражал против таких сумм – экспедиционные средства приходилось все время экономить. Он не терял еще надежду попасть в Тибет, однако отказать археологу, приехавшему по распоряжению главы СНК СССР, не имел права.

Теплоухов и Боровка приступили к раскопкам только 6 октября, имея в своем распоряжении 45 (!) рабочих-китайцев. Выбрали типичную могилу с квадратной насыпью (16 м × 14 м) на северном склоне Судзуктэ – курган № 24, как позже он обозначался в отчетах. Работу неоднократно приходилось прерывать из-за сложных погодных условий: частые снежные бураны, морозы по ночам до –20 °С ⁸⁰. С большим трудом разработка кургана была завершена через месяц.

Произведенные Теплоуховым и Боровкой раскопки подтвердили правильность выводов о конструкции и характере ноин-улинских захоронений, сделанных экспедицией: курганы имели насыпь, ориентированную по сторонам света, и квадратную могильную яму глубиной 8 и более метров. На ее дне сооружалась двойная камера, гроб помещался во внутреннюю камеру.

делают обыкновенно, а уж если выбирать землю, так выбирать совсем – дочиста, чтобы видеть все и подобрать все. Но для этого нужны колоссальные средства и проч.». (Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 317).

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 80.

⁸⁰ Теплоухов С. А. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925. С. 13–22.

Полы межкамерных коридоров и самого захоронения устилались коврами, стены драпировались тканями. В коридорах помещался погребальный инвентарь⁸¹.

Оценивая работу профессиональных археологов, Козлов нашел в себе силы признать целесообразность их приезда: «И в общем очень хорошо, что Ольденбург придумал всю эту историю!», констатировал он в дневнике через неделю после начала работы командированных специалистов⁸². Археологи же не торопились воздать должное в организации раскопок Козлову. Наоборот, как казалось путешественнику, старались принизить его роль. Так, Теплоухов в своем докладе в Урге по итогам работы достаточно ясно дал понять слушателям, что особой заслугой Козлова в успехе раскопок нет, преувеличив значение случайных находок, сделанных в этих местах в 1912 г. Баллодом и его роль в открытии ноин-улинских могильников.

Лекция Теплоухова больно ударила по самолюбию Козлова. Путешественник с сожалением отметил:

...что же Баллод сделал, как не испортил больший, лучший курган: он такой же был хищник, как и монголы. Кто же знал о раскопках Баллода? Даже археологи Иркутского государственного университета молчали, да, вероятно, и не знали толком ничего, иначе они попытались бы приехать в Монголию, ведь это так недалеко! Могу смело сказать, что после 12 лет со времени Баллодовской порчи кургана могли впоследствии пройти 120 лет, и я не знаю еще, кто удосужился бы заняться исследованием неведомых могил.

Громко заявлять, что первый открыл Баллод, а затем обратил на курганы внимание наш маститый путешественник Петр Кузьмич Козлов [...] едва ли так говорить следует. Это лишь для умаления значения настоящего автора⁸³.

Для археологов как для специалистов был важен профессионализм в работе, которым, безусловно, не обладали сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции. Ответственность за раскопки, взятая на себя Козловым, его уникальная интуиция, второй раз принесшая ему удачу на археологической ниве, для них были вторичны. Но повторимся еще раз: приняла бы Академия наук решение о раскопках в Монголии, если бы Козлов только проинформировал уважаемое научное сообщество о древних курганах в Ноин-Уле? Да и что он мог сообщить? В конечном итоге именно его ошибки при проведении работ стали основанием для серьезного археологического изучения Ноин-Улы.

Одним из немногих, кто не упрекал Козлова в непрофессионализме, был известный и уже тогда авторитетный монголовед Н. Н. Поппе. Вспоминая о путешественнике, он писал:

⁸¹ Подробно захоронения в Ноин-Уле проанализированы: *Теплоухов*. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула... С. 13–22; *Руденко*. Культура хуннов и ноинулинские курганы...; *Umehara*. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia...

⁸² *Козлов*. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 331.

⁸³ Там же. С. 359.

Иногда приходится слышать по его адресу упреки в том, что, не будучи специалистом в области раскопок, он подвергал памятники разрушению. В трудных условиях Центральной Азии, без квалифицированной рабочей силы, инструментов, даже достаточного количества воды, работа эта чрезвычайно затруднялась. Исследователи Восточного Туркестана, археологи и искусствоведы А. Лекок и его спутники, по отзывам такого справедливого критика, как покойный С. Ф. Ольденбург, в погоне за наиболее ценными экспонатами для своих музеев переломали и перепортили немало замечательных памятников Дун-Хуана⁸⁴. А они были специалистами-археологами. Все, что было в возможностях П. К. Козлова в местных условиях, он сделал⁸⁵.

Правда, это мнение уважаемый востоковед высказал в некрологе, но Поппе, судя по воспоминаниям современников, был человеком, не склонным к комплиментарным высказываниям⁸⁶.

Между тем в академической среде интерес к раскопкам Монголо-Тибетской экспедиции все возрастал. В связи с этим Ольденбург направил Козлову телеграмму с предложением, поддержанным управделами Совнаркома, приехать в Ленинград для отчета о проделанной экспедицией работе в 1923–1924 гг.⁸⁷ Вызов Ольденбурга на фоне приезда в Монголию сотрудников Академии наук⁸⁸ явно озадачил Козлова и подтвердил его предположение о том, что борьба РГО с РАН из-за его экспедиции все еще продолжается.

Обязательства и ответственность

На СССР, на Академии истории материальной культуры, по-моему, лежит нравственная обязанность всецело выполнить соглашение Монголо-Тибетской экспедиции с Ученым комитетом Монголии – это залог дальнейшей прочной культурной связи СССР с близкими ей народностями Востока.

*П. К. Козлов (1925)*⁸⁹

Разногласия внутри научного сообщества были отодвинуты на второй план неожиданно возникшей серьезной проблемой: незадолго до отъезда Козлова в Россию монгольское правительство приняло закон «Об охране памятников старины», который ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добы-

⁸⁴ Дуньхуань – древний город в Китае, недалеко от которого расположен пещерный буддийский монастырь, где сохранилось более 400 пещер со скульптурой и росписями IV–XIV вв.

⁸⁵ Поппе Н. Н. Значение путешествий П. К. Козлова для археологического изучения Центральной Азии // Известия Государственного Географического общества. 1936. № 5. С. 752.

⁸⁶ О нем см.: Алпатов В. М. Николай–Николас Поппе. М., 1996.

⁸⁷ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 332–333.

⁸⁸ Кроме археологов Теплоухова и Боровки в Монголию были командированы почвовед Б. Б. Польшов и минералог В. И. Крыжановский, также за счет средств Монголо-Тибетской экспедиции Козлова.

⁸⁹ Козлов П. К. Северная Монголия – ноин-улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций... С. 12.

тых иностранными экспедициями и учеными⁹⁰. Об этом в начале октября 1924 г. Жамцарано сообщил Ольденбургу:

Недавно опубликован монгольским правительством закон «Об охране памятников старины» [...] Все памятники древности объявлены национальной собственностью и к вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета⁹¹.

Поводом для издания закона как раз и послужили археологические находки Монголо-Тибетской экспедиции Козлова и палеонтологические – американской Центральноазиатской экспедиции Эндрюса.

Козлову пришлось провести непростые переговоры с представителями монгольского правительства о вывозе в Россию коллекций, обещая некоторые находки подарить Ученому комитету. Жамцарано настаивал на оставлении в Монголии не отдельных предметов, а целостного содержания по меньшей мере двух могил. Козлов с трудом убедил руководителя Ученого комитета в нежелательности дробления и нецелесообразности оставления части коллекции, неизученной специалистами, которых в Монголии в те годы не было⁹². Итогом обсуждения явилось специальное соглашение между Ученым комитетом и Монголо-Тибетской экспедицией РГО, подписанное Жамцарано, Козловым и Теплоуховым 17 ноября 1924 г., в котором были оговорены условия вывоза коллекций в Россию, а именно:

1. Археологический материал, добытый Тибетской экспедицией при раскопе курганов в Ноин-Уле в 1924 г., в целях возможно более полной научной обработки отправляется целиком в (Петроград) Ленинград.

2. Не позднее осени 1925 г. все предметы, добытые из какого-нибудь одного погребения (среднего по богатству собранного материала), возвращаются в Монголию и передаются в музей Ученого комитета⁹³.

Козлов придавал важное значение выполнению этого соглашения, рассматривая его не только как личное, но и как государственное обязательство, реализация которого во многом определяла возможность и условия работы в Монголии других российских экспедиций. Совнарком поддержал путешественника в этом вопросе. В постановлении по итогам работы Комиссии по рассмотрению предварительных итогов деятельности Монголо-Тибетской экспедиции от 31 марта 1925 г. СНК СССР утвердил соглашение, заключен-

⁹⁰ Закон был принят 5 сентября 1924 г. В начале 1925 г. он был опубликован в виде брошюры на монгольском, русском и английском языке (*Law Protecting Remains of Antiquity*). Экземпляр, присланный Ольденбургу, хранится в ПФА РАН (Ф. 339. Оп. 1–1925. Л. 80–90).

⁹¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69.

⁹² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 9 (протокол заседания комиссии, 7 февраля 1925 г.); Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 357.

⁹³ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 363. Оригинал соглашения находится в ПФА РАН (Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 38). В данном экземпляре указано, что соглашение составлено 7 ноября 1924 г., подписано же оно было, судя по дневникам Козлова, 17 ноября 1924 г.

ное руководителем экспедиции с Ученым комитетом Монголии, и поручил Ольденбургу наблюдение за ходом его выполнения⁹⁴.

Полпред Монголии в СССР А. Данзан сразу же сообщил в Улан-Батор об этом решении и информировал власти страны, что уже в ближайшее время Академия наук намерена передать Ученому комитету «после тщательного изучения [...] добытые при раскопках [...] некоторые старинные вещи, имеющие большую историческую ценность»⁹⁵.

Но сроки передачи коллекций затянулись, что было связано с технологическими трудностями обработки и реставрации археологических находок и, как всегда, с финансовыми проблемами. Первая часть ноин-улинских предметов отправилась в Монголию только в августе 1926 г. Ее доставил Боровка, который собирался продолжить археологические работы в Ноин-Уле⁹⁶. Специальная комиссия РАИМК по изучению и изданию археологических коллекций из раскопок Козлова выделила Ученому комитету ковер из кургана № 6, одну лакированную чашечку, часть золотых вещей, образцы наиболее ценных и типовых китайских тканей и другие предметы⁹⁷. Приняв первые вещи, Жамцарано, искренне заинтересованный в дружеских отношениях с Академией наук и повышении ее авторитета в монгольском правительстве, писал Ольденбургу:

Нам важно только одно, чтобы вовремя, в срок были возвращены коллекции или отдельные предметы, увезенные для изучения и обработки [...] Хорошо, что Боровка привез часть кургана. Мы немножко покажем, кому нужно, а потом до будущей осени спрячем⁹⁸.

Монголо-Тибетская экспедиция к этому времени завершила свою работу в Монголии. Перед отъездом Козлов 11 сентября 1926 г. подписал с Учкомом договор, условия которого распространялись не только на археологические, но и на естественно-научные коллекции, собранные экспедицией на территории Монголии в 1923–1926 гг. В пункте 2 договора указывалось:

Ввиду великих заслуг перед наукой путешественника П. К. Козлова Ученый комитет МНР передает безвозмездно половину всего материала, упомянутого в п. 1 [«весь археологический и палеонтологический материал, добытый [...] экспедицией П. К. Козлова в пределах МНР...». – Т. Ю.] в прямое распоряжение П. К. Козлова, а другая половина, после их изучения и определения, возвращается Ученому комитету Монголии не позднее 1 июня 1929 г.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 242; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 195 (выписка из протокола заседания СНК от 31 марта 1925 г.).

⁹⁵ Советско-монгольские отношения... Т. 1... С. 111 (письмо от 17 мая 1925 г.).

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 243.

⁹⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1926. Д. 107. Л. 37–37 об. (опись вещей, передаваемых Ученому комитету Монголии).

⁹⁸ Цит. по: Решетов А. М. Переписка Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. СПб., 1998. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. С. 77. Весной 1927 г. Жамцарано планировал устроить выставку ноин-улинских археологических находок.

Пункт 3 договора уточнял: «Право определения той части, которая должна будет отойти в собственность Ученого комитета МНР, предоставляется Академии наук СССР»⁹⁹.

Договор был составлен на русском и монгольском языках в двух экземплярах. Один экземпляр оставлен на хранение в Ученом комитете, другой передан Козлову¹⁰⁰. По окончании экспедиции выполнение этого договора осуществлялось Монгольской комиссией Академии наук.

Как бы не переживал Козлов по поводу выполнения взятых им перед Ученым комитетом обязательств, еще больше его тревожила судьба предметов ноин-улинской коллекции, передаваемых в Монголию. В июне 1927 г. он обратился по этому поводу к Ольденбургу с проникновенной просьбой:

Умоляю Вас как председателя Монгольской комиссии на время отложить отправку в Монголию археологических ценностей («Мокрый курган»), представляющих мировое достояние.

И далее подробно объяснил причины своего беспокойства:

Я прекрасно знаю скученный деревянный город Ургу, который и до сего времени продолжает заполнять все свои свободные площади высокими деревянными ящиками построек, в целом поражающих всякого европейца своей опасностью в пожарном отношении [...] Мне представляется целесообразной временная задержка ценнейших коллекций в СССР и обращение к Монгольскому правительству с запросом, имеется ли в Урге каменное, мало-мальски приспособленное для музея помещение, в котором Монголия могла бы принять приготовленное в СССР ценнейшее мировое научное приношение.

Этим самым мы оказали бы Ученому комитету Монголии величайшую помощь, и Жамцарано благородно вышел бы из трудного положения, так как монгольское правительство вынуждено было бы, наконец, отпустить средств на постройку музея, в котором оно столько раз отказывало Ученому комитету¹⁰¹.

Нам неизвестно, что ответил и ответил ли Ольденбург на это письмо. Скорее всего, он просто принял информацию к сведению. Внесение дополнительных условий в договор не входило в компетенцию постоянного секретаря Академии наук.

Перед отъездом в Россию для предварительных отчетов о работе экспедиции Козлов устроил выставку добытых археологических коллекций.

⁹⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 2.

¹⁰⁰ Экземпляр Козлова сейчас хранится в Архиве РГО (Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–4). «Договор» был также опубликован в 2000 г. в сборнике: Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). 1921–1960. I боть. Улаанбаатар, 2000. С. 61–62. В этой публикации неправильно указан год подписания договора: вместо 1926 г. написан 1929 г. Экземпляр, оставленный в Монголии, опубликован в: Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх (История Монгольской академии наук). Улаанбаатар, 2002. С. 37–38.

¹⁰¹ Письмо П. К. Козлова к С. Ф. Ольденбургу, 27 июня 1927 г. // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1026. Д. 58. Л. 68.

Она открылась 9 ноября 1924 г. в здании Ученого комитета и привлекла внимание широких слоев населения Урги. Ее посетили члены правительства Монголии, делегаты проходившего в это время I Великого хурала, учащиеся, иностранцы, проживающие в городе. Это был первый и пока последний случай демонстрации ноин-улинских археологических находок экспедиции Козлова в Монголии ¹⁰².

Экспедиция продолжается!

Итак, с археологией мы совершенно покончили.

П. К. Козлов (1925) ¹⁰³

Покидая Монголию, Козлов оставил своим «археологам» задание продолжить раскопки Мокрого кургана. Его разработка была начата еще в марте 1924 г., но в мае из-за большого обилия воды, постоянно скапливающейся в шурфе, остановлена. Вторая попытка была предпринята в июле, однако через месяц работы вновь пришлось остановить: курган оправдывал свое название. Козлов решил возобновить раскопки зимой, надеясь, что в это время проблем с водой будет меньше ¹⁰⁴.

В Ленинград путешественник прибыл 28 декабря 1925 г. Через день состоялся его доклад в Географическом обществе о деятельности экспедиции, во время которого Козлов объявил, что по традиции все естественно-исторические сборы он передает на определение и изучение в Зоологический музей РАН и в Главный ботанический сад, а археологические находки – в этнографический отдел Русского музея. Здесь уже хранился другой его дар – хара-хотинская коллекция. Совет общества единогласно поддержал это желание путешественника и принял решение перед передачей коллекций в музей устроить выставку в здании РГО. Подготовку к показу археологической части взял на себя Русский музей.

Козлов, занятый приятными хлопотами по организации выставки, встречами с атаковавшими его журналистами, обсуждением результатов работы со специалистами, даже не предполагал о резонансе, который вызвала деятельность его экспедиции и ноин-улинские раскопки в Академии наук и в правительстве.

Через неделю после приезда путешественника – 8 января 1925 г. – Совнарком по инициативе Академии наук принял постановление об образовании специальной Комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монголо-Тибетской экспедиции под председательством Н. П. Горбунова. В ее состав вошли

¹⁰² Часть коллекции, переданная в соответствии с соглашением и договором Козлова Ученому комитету Монголии, сегодня хранится и экспонируется в Национальном музее монгольской истории в Улан-Баторе.

¹⁰³ Письмо П. К. Козлова к Ю. М. Шокальскому, 25 июня 1925 г. // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 82. Л. 6 об.

¹⁰⁴ Вскоре работы на Мокром кургане были вновь остановлены и возобновлены в четвертый раз 10 февраля 1925 г. (Козлов П. К. Новые достижения Тибетской экспедиции // Известия. 27 мая 1925 г. С. 2).

Ц. Ж. Жамцарано (крайний слева) и Р. Ч. Эндрюс (второй справа) с членами Монголо-Тибетской экспедиции: К. К. Даниленко, Е. В. Козлова, С. А. Кондратьев, В. А. Гусев. Монголия, Судзуктэ, сентябрь 1924 г. (Архив Музея П. К. Козлова в Санкт-Петербурге)

академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский, директор Зоологического музея А. А. Бялыницкий-Бируля, геологи А. А. Борисяк и И. П. Рачковский, монголовед Б. Я. Владимирцов, полпред СССР в Монголии А. Н. Васильев, а также представители НКВД и заведующий Главнаукой Наркомпроса Ф. Н. Петров¹⁰⁵.

В подборе такого состава комиссии Козлов увидел «руку Ольденбурга», по его мнению, заранее позаботившегося о том, чтобы привлечь для работы лиц, которые «большинством голосов могли бы решить вопрос, главным образом, конечно, об участии археологических коллекций» и принять решение по дальнейшему исследованию Монголии исключительно в интересах Академии наук, «не считаясь с мнением совета РГО»¹⁰⁶.

Первое заседание комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде. На нем были заслушаны доклады Козлова, сотрудников Академии наук, командированных в Монголию для усиления состава Монголо-Тибетской экспедиции, и других ученых, занимавшихся изучением Монголии: почвовед Б. Б. Пыльнова, геолога И. П. Рачковского, ботаника Н. В. Павлова, минералога В. И. Крыжановского. Все выступавшие, говоря о результатах своей работы, обращали особое внимание на важность продолжения начатых исследований Монголии, аргументируя это не только научной, но, в духе времени,

¹⁰⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 183. Оп. 4. Пап. 107. Д. 28. Л. 37 (постановление СНК СССР).

¹⁰⁶ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 406.

экономической и политической целесообразностью как для Монголии, так и для СССР ¹⁰⁷.

Особое внимание привлекли доклады Теплоухова и Боровки, что объяснялось повышенным интересом к археологическому открытию в Ноин-Уле. Оценивая сделанные находки, Теплоухов также указал на желательность продолжения работ, что «даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири» ¹⁰⁸.

В докладе Боровки были рассмотрены культурно-исторические проблемы, на которые ноин-улинские археологические находки проливают, по мнению исследователя, «новый, яркий и иногда даже неожиданный свет». В первую очередь это касалось вопроса распространения греческого влияния на скифско-сибирскую культурную традицию. Боровка подчеркнул, что, несомненно, добытый экспедицией материал вызовет живейший интерес и привлечет внимание всего ученого мира, поскольку «проблемы, находящие разрешение, хотя бы и частичное, в находках экспедиции – проблемы общемирового значения, общей истории культуры» ¹⁰⁹.

В ходе обсуждения прозвучавших докладов завязалась полемика представителей РГО и РАН, суть которой сводилась к следующему: кто будет продолжать изучение Монголии – большие, экстенсивно-описательные экспедиции Географического общества, в частности, экспедиция Козлова, или Академия наук?

Аргументы академического сообщества оказались более весомыми. Комиссия постановила, что исследование Монголии должна вести Академия наук. Для организации всестороннего изучения соседнего государства постановлением СНК СССР от 31 марта 1925 г. при правительстве была создана Монгольская комиссия ¹¹⁰. В ее состав вошли крупнейшие ученые и ведущие специалисты различных отраслей знаний. В 1927 г. комиссия перешла в подчинение Академии наук, где до 1953 г. координировала работу российских ученых в Монголии и внесла огромный вклад в изучение и освоение природных ресурсов дружественной нам страны. Как мы видим, ноин-улинские археологические находки из научного артефакта превратились в своеобразный инструмент для привлечения внимания правительства к исследовательским задачам Академии наук в Монголии и в один из аргументов в пользу государственного финансирования их реализации.

Что касается Монголо-Тибетской экспедиции, то сенсационность ноин-улинских археологических находок в конечном счете предопределила итоги обсуждения ее работы: деятельность экспедиции была полностью одобрена. Козлову предоставили возможность осуществить свои дальнейшие планы: провести исследование Цайдама (северо-восточная оконечность Тибетского

¹⁰⁷ Подробно об этом заседании см.: Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953 гг. СПб., 2006. С. 55–62.

¹⁰⁸ Краткие отчеты экспедиций... С. 22.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 89, 83 (стенограмма заседания комиссии).

¹¹⁰ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 195 (выписка из протокола заседания Совнаркома).

нагорья) и продолжить начатые в 1908–1909 гг. раскопки Хара-Хото. Правительство даже выделило дополнительное финансирование.

В начале апреля 1925 г. путешественник вернулся в Монголию. Сотрудники экспедиции к этому времени закончили работу на Мокром кургане, подарившем экспедиции немало ценных находок, и приступили к вторичной разработке Верхнего. Попытка оказалась успешной: находки оправдали все трудности работы. Именно в этот раз был найден один из уникальных ковров с изображением битвы животных.

Несмотря на указание Академии наук не начинать больше археологических разработок в Монголии Козлов решил «попытать счастья» еще на одном кургане – на этот раз в Гуджиртэ – чтобы получить полную картину захоронений в Ноин-Уле. Жамцарано с трудом дал разрешение на эту работу, причем на самых тяжелых для экспедиции условиях: «Все находки можно вывезти в Россию для определения, изучения, фотографирования и т. д., но затем они должны быть возвращены полностью Ученому комитету!»¹¹¹. Козлов согласился, однако интересного материала новые раскопки не дали.

В итоге все археологические работы Монголо-Тибетская экспедиция закончила в конце июля и, разделившись на две партии, вырвалась наконец-то на «светлые научные просторы Азии». Козлов стремился наверстать упущенное, интенсивно занимаясь географическими исследованиями. При этом надежда повторить свой археологический успех его не покидала: по маршруту следования он попытался затеять новые, хотя и не такие масштабные раскопки, как, например, в развалинах древнего монастыря в урочище Олун-Сун, в предгорьях Хангая. В целом путешествие по Южной Монголии принесло немало ценных находок, в том числе археологических, однако, повторить ноин-улинский успех Козлову, увы, было не суждено.

Путешествие коллекций

Мировое значение коллекций Козлова обязывает отнести с совершенно особым вниманием к делу их сохранения.

*М. В. Фармаковский (1925)*¹¹²

На заседании правительственной комиссии по рассмотрению предварительных итогов работы Монголо-Тибетской экспедиции параллельно с решением ее дальнейшей судьбы шло обсуждение места хранения ноин-улинских находок. На коллекцию претендовали два уважаемых и авторитетных учреждения: Русский музей (его этнографический отдел) и Эрмитаж.

Основным аргументом в пользу Русского музея являлась преемственность в хранении археологических коллекций Козлова и уже начатая работа с монгольскими находками. Эрмитаж полагал, что ноин-улинские предметы, представляющие собой образцы скифско-сибирского искусства, должны дополнить его Петровские коллекции, имеющие тесную историко-художественную

¹¹¹ Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции... С. 406.

¹¹² Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 41. Л. 35 (объяснительная записка к смете).

связь с новыми находками Козлова. Оба музея старались склонить Горбунова к принятию решения в свою пользу, но управделами Совнаркома воздержался от высказывания своего мнения и предоставил научному сообществу самому решить этот вопрос.

Накал страстей между музеями выливался порой во взаимные обвинения. Так, в частности, Теплоухов как сотрудник Русского музея упрекал Эрмитаж в том, что он отбирает себе «все материально ценное, все золотое», все, что имеет «черты высокого художественного стиля». Таким путем, как считал археолог, «обескровливались, вопреки элементарным требованиям науки и здравого смысла, ценнейшие научные собрания». Теплоухов боялся, что и в случае с монгольскими коллекциями может произойти подобная история. Он был убежден, что дробить ноин-улинское собрание и выделять вещи по художественному признаку ни в коем случае нельзя, поскольку это в корне обесценит его научное значение. У Русского музея такой практики никогда не было, и поэтому его коллекции имеют «не случайный характер вырванных из быта или редких вещей, а продуманно-собранный по определенной системе первоклассный научный материал»¹¹³.

Разногласие между музеями стало в определенной степени отражением вновь обострившегося соперничества между Географическим обществом и Академией наук: совет РГО поддерживал Русский музей, за Эрмитаж выступал Ольденбург – непреременный секретарь РАН. Окончательное решение о месте хранения коллекций принималось на втором заседании комиссии, состоявшемся уже в Москве 7 февраля 1925 г. в кабинете Горбунова.

К этому времени была определена предварительная стоимость привезенной Козловым части ноин-улинского археологического материала. По мнению специалистов, она составляла не менее 175 000 руб., что более чем в полтора раза превосходило затраты на подготовку и проведение Монголо-Тибетской экспедиции. Особенно ценными были признаны ковер с изображениями борющихся зверей и кусок ткани с вышитым изображением всадников. И тот, и другой были охарактеризованы как «полный уникум и модная сейчас вещь»¹¹⁴.

Но исключительную ценность этим предметам придало, по мнению Ольденбурга, их тщательное научное описание, выполненное при разработке одного из курганов профессиональными археологами. Эта работа убедительно показала, как считал академик, преимущество раскопок, выполненных «строго методически, а не случайным бессистемным копанием кладоискательского типа, которое лишает добытый материал почти всякого научного значения»¹¹⁵. Ольденбург считал чрезвычайно важным в период становления научных методов и подходов к ведению археологических раскопок акцентировать внимания общественности на этом обстоятельстве.

При обсуждении места хранения коллекций Ольденбург внес предложение, которое должно было примирить соперничающие организации: прежде чем окончательно определить будущего владельца коллекций, передать все

¹¹³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 197. Л. 24.

¹¹⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 116.

¹¹⁵ Там же. Л. 170 об.

ноин-улинские находки в РАИМК для их всестороннего исследования. В состав Академии истории материальной культуры входил Институт археологической технологии (ИАТ), располагающий необходимыми специалистами и оборудованием. Ольденбург предлагал как можно скорее провести эту работу и опубликовать ее результаты, чтобы закрепить приоритет отечественной археологии в изучении хунну.

Председатель Географического общества Шокальский был категорически против этой идеи, аргументируя свое несогласие тем, что Русский музей, обладавший необходимыми специалистами и опытом работы с археологическими находками, уже приступил к обработке предметов коллекции и, по его мнению, было бы нецелесообразно прерывать эту работу. Ольденбург же настаивал на том, что для изучения ноин-улинской коллекции требуются специальные знания, в частности, античного и скифо-сибирского искусства, а у Русского музея в основном этнографическая специализация. Аргументы академика оказались сильнее, и большинство членов комиссии согласилось с его предложением. Достаточно неожиданно для всех Козлов также поддержал это решение.

После долгого обсуждения комиссия приняла следующие решения: Географическое общество должно передать во временное пользование археологические коллекции Монголо-Тибетской экспедиции в РАИМК для их срочного изучения; вопрос о дальнейшем хранении коллекции должен быть рассмотрен Главнаукой по окончании их изучения с привлечением заинтересованных учреждений¹¹⁶. Другим важным итогом этого заседания стало постановление о выделении РАИМК финансирования для издания результатов изучения материалов Монголо-Тибетской экспедиции¹¹⁷.

Русский музей, однако, не торопился расставаться с ноин-улинскими находками. Чтобы решение комиссии было выполнено, потребовалось дополнительное указание Горбунова об их немедленной передаче в РАИМК¹¹⁸, после которого академик Марр, наконец, сообщил управделами Совнаркома, что коллекции приняты возглавляемым им учреждением¹¹⁹. Их изучение было поручено особой комиссии под председательством самого Марра. В ее состав вошли члены Академии истории материальной культуры В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, М. В. Фармаковский, а также Боровка и Теплоухов. Комиссии предоставлялось право привлекать к работе специалистов как из состава самой академии, так и из других учреждений¹²⁰. Предполагалось, что через месяц будут подготовлены для обсуждения доклады о проведенной подготовительной работе, планы и сроки дальнейших исследований и издания их результатов. Но, как это часто бывает, первый энтузиазм прошел, и деятельность комиссии практически прекратилась: у РАИМК возникли труд-

¹¹⁶ Там же. Л. 165 (протокол заседания комиссии, 7 февраля 1925 г.)

¹¹⁷ Там же. Л. 166.

¹¹⁸ Письмо Н. П. Горбунова к Ю. М. Шокальскому, 1 апреля 1925 г. // Архив РГО. Ф. 1–1926. Оп. 1. Д. 29. Л. 87.

¹¹⁹ Письмо Н. Я. Марра к Н. П. Шокальскому, 22 апреля 1925 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1925. Д. 68. Л. 50.

¹²⁰ Там же.

С. А. Кондратьев, Г. О. Боровка, Ц. Ж. Жамцарано, П. К. Козлов, С. А. Теплоухов на выставке археологических находок, сделанных Монголо-Тибетской экспедицией в Ноин-Уле. Монголия, Урга, ноябрь 1924 г.

ности как организационного (не хватало специально оборудованных помещений для хранения передаваемых вещей), так и материального характера.

Затягивание начала изучения предметов, особенно самой уникальной части коллекции – тканей, беспокоило Ольденбурга. Положение усугублялось тревожными сообщениями из Русского музея, отстраненного от изучения коллекции, об их неудовлетворительном состоянии: некоторые ткани рассыпаются, и необходимо немедленно принимать меры по их закреплению. 13 ноября 1925 г. Ольденбург попытался узнать уже непосредственно у руководства ИАТа, способен ли институт взять на себя экспертизу, очистку и консервацию тканей, привезенных Монголо-Тибетской экспедицией. В случае отказа Ольденбург был готов вновь передать их Русскому музею ¹²¹.

После обсуждения обращения неопременного секретаря совет ИАТ посчитал себя «обязанным взять всю работу по очистке, закреплению и профилактике древнемонгольских тканей из коллекции Козлова», что, однако, ни в коем случае не означало отказа от «совместной работы с теми учреждениями музейного типа, которые пожелают оказать помощь в столь важном деле, одинаково дорогое для всякого научного учреждения» ¹²². Чтобы получить финансиро-

¹²¹ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 41. Л. 10 об.

¹²² Там же. Л. 35.

вание для выполнения взятых обязательств Ольденбург предложил институту «возбудить ходатайство непосредственно перед Н. П. Горбуновым»¹²³.

Первичный осмотр показал, что начало работ с тканями откладывать действительно уже нельзя. Комиссия ИАТа пришла к выводу, что каждая стадия их сохранения – очистка, закрепление, реставрация – сложна, поскольку впервые в археологической практике работа будет проводиться с тканями, пролежавшими почти 2000 лет в мокрой земле на глубине более 10 метров, и поэтому потребует взвешенного и продуманного подхода. В качестве первого этапа институт по просьбе Русского музея проанализировал способы их очистки, использованные реставрационными мастерскими последнего. Результаты этого анализа были рассмотрены советом института 9 февраля 1926 г.

Это заседание – пример еще одного межведомственного противостояния (в данном случае Русского музея и ИАТа), которое, на наш взгляд, положительно отразилось на разработке новых технологий очистки и консервации археологических находок, в данном случае – древних тканей. Мы не будем вдаваться в техническую сторону вопроса, отметим лишь, что применявшиеся способы очистки – промывание в неочищенной воде, использование мыла, выжимание и выкручивание, проглаживание утюгом – институт подверг самой резкой критике. Должно быть, современным археологам все эти способы кажутся варварскими, но, как нам представляется, их использование не было ошибкой конкретных людей, а лишь отражало состояние российской археологической науки начала 1920-х гг. Критическое отношение к такому подходу свидетельствовало о переходе ее на новый уровень.

Чтобы обсуждение профессиональных вопросов не превратилось в выяснение личных отношений, совещание посчитало нужным сразу оговорить, что «не требуется указывать, кто именно производил ту или иную операцию, важны результаты, которые налицо»¹²⁴. Совещание постановило считать произведенную очистку монгольских тканей неудовлетворительной и поручило комиссии ИАТа составить краткий перечень технических приемов, использование которых в отношении найденных при раскопках древних тканей недопустимо¹²⁵. И хотя, несмотря на взаимную договоренность, заседание периодически переходило из плоскости обсуждения проблемы в плоскость выяснения отношений, совет РАИМК решил опубликовать полностью протокол заседания в виде отдельной брошюры в серии «Материалы по методологии археологической технологии»¹²⁶, поскольку

Институт полагает ценным сохранить в краткой, но точной формулировке мнения специалистов, принимающих участие в обсуждении вопроса, так как в этой форме особенно отчетливо освещается вся сложность и ответственность работы¹²⁷.

¹²³ Там же. Л. 26.

¹²⁴ Там же. Л. 10.

¹²⁵ К вопросу об очистке древних тканей. Журнал заседания Института археологической технологии. Л., 1926. С. 12.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Фармаковский М. В. Предисловие // К вопросу об очистке древних тканей... С. 4.

Русский музей посчитал выводы о неправильных и недопустимых приемах очистки тканей необоснованными, о чем директор музея П. И. Воробьев сообщил в своем письме Ольденбургу. К письму прилагались две объяснительные записки: Теплоухова, попытавшегося опровергнуть претензии, выдвинутые участниками заседания, и реставратора Н. Исаченко, который подробно описал использованные методики и представил обоснование их выбора¹²⁸.

По мнению Теплоухова, члены вышеупомянутого заседания сделали свои выводы исходя из сугубо теоретического подхода к проблеме. Никто из них не знал, в каких условиях ткани находились в могилах. Ряд повреждений, приписываемых реставраторам Русского музея, мог быть следствием разрушения захоронения грабителями и механического воздействия на ткани многопудового гроба, стен погребальной камеры и толщи земли. Что же касается изменений в их окраске, то они могли произойти не от промывки при очистке, а от того, что ткани «пролежали 2000 лет в жидкой грязи, где циркулировала вода с самыми разнообразными органическими и неорганическими реагентами». Теплоухов также подверг критике обвинения в адрес археологов о неправильном извлечении находок из могил, которые, по его мнению, показывают, что обсуждавшие деятельность реставраторов Русского музея специалисты «не имеют никакого представления об условиях археологических раскопок»¹²⁹.

Переписка между РАИМК и ИАТом и Русским музеем со взаимными претензиями продолжалась еще некоторое время. Точка в выяснении отношений была поставлена письмом совета ИАТа на имя Ольденбурга, в котором ученые смогли посмотреть на проблему шире и, учитывая другие аналогичные случаи неквалифицированного подхода к реставрации древних памятников, сделали вывод о том, что главная причина неудач во всех случаях, и в данном, конкретно, — общая «неорганизованность реставрационного дела и недостаток подготовки реставраторов». Совет ИАТа полагал, что пришло время объединить реставрационное дело «под деятельным контролем ученого учреждения; административное объединение никогда не достигает цели, если не будет опираться на контроль научный»¹³⁰. Мы не можем сказать, оказало ли это письмо какое-либо реальное воздействие на организацию реставрационного дела в стране, но диагноз, видимо, был поставлен верно.

Что касается дальнейшего изучения ноин-улинских коллекций в ИАТе, то она проходила уже в рамках деятельности Монгольской комиссии Академии наук в течение нескольких лет. Как отмечалось в отчетах комиссии, исследование находок осуществлялось «новыми методами, установленными в нашей стране и впервые примененными к исследованию памятников человеческой культуры»¹³¹. Так, например, очистку тканей производили уже не водой, а сухим паром и четыреххлористым углеродом¹³². Результаты работы с ноин-улинскими находками и возникающие при этом проблемы находили отра-

¹²⁸ Письмо П. Воробьева к С. Ф. Ольденбургу, 24 апреля 1926 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 41. Л. 91–96.

¹²⁹ Там же. Л. 92–93 об. (записка С. А. Теплоухова).

¹³⁰ Докладная записка по вопросу об очистке тканей, 30 апреля 1926 г. // Там же. Л. 96–98.

¹³¹ Там же. Л. 122.

¹³² Отчеты о деятельности АН СССР за 1928 г. Л., 1929. С. 34–36. Эти методы также имеют серьезные недостатки и сегодня уже не используются.

жение в трудах Академии истории материальной культуры и других публикациях¹³³.

Итогом работы Института археологических технологий с ноин-улинской коллекцией стал каталог К. В. Тревер «Раскопки в северной Монголии (1924–1925)»¹³⁴, изданный в 1932 г., в котором приведено описание лучшей части коллекции и представлены фотографии 70 ноин-улинских предметов.

По мере изучения и реставрации предметы возвращались в Русский музей. В 1934 г. в связи с его реорганизацией и выделением этнографического отделения в качестве самостоятельного музея со специализацией «этнография народов СССР» ноин-улинская коллекция была передана в Эрмитаж, где она до сих пор хранится и изучается в отделе Востока. Итогом большой исследовательско-реставрационной работы, проведенной хранителем коллекций Е. И. Лубо-Лесниченко и сотрудниками музея, стало создание в 1980 г. постоянной экспозиции, посвященной Ноин-Уле, размещенной в двух залах Эрмитажа. В 2008 г. она была закрыта на реконструкцию. Будем надеяться на ее скорое открытие в обновленном виде.

Продолжение следует

Значение находок в Монголии еще увеличивается от того, что сделаны они теперь, в такое время, когда раскопками в других частях Азии мы получаем параллельный материал.

*С. Ф. Ольденбург (1925)*¹³⁵

Информация в советской и зарубежной печати о новом археологическом открытии Козлова¹³⁶ и публикации российских ученых о первых результатах изучения ноин-улинских предметов вызвали живой интерес международного научного сообщества и привлекли пристальное внимание археологов и историков. В Академию наук стали поступать обращения от научных издательств

¹³³ Бернштам А. М. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1937. № 4. С. 947–968; Бернштам А. М. Изображение быка на бляхах Ноин-улинских курганов // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 5–6. С. 127–130; Воскресенский А. А., Кононов В. Н. Химико-технологический анализ большого ковра № 14568 // Известия Государственной академии истории материальной культуры (ИГАМК). 1932. Т. 11. Вып. 7–9. С. 76–93; Воскресенский А. А., Лукашевский В. А. Анализ шерстяных тканей из кургана № 6 раскопок П. К. Козлова // Там же. С. 99–107; Воскресенский А. А., Тихонов Н. П. Технологические методы исследования археологического материала // Там же. С. 1–10; Головчинер В. Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивкой // Там же. С. 94–99; Клейн В. Г., Хвальковский В. Н., Воронков Н. В. Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова // Там же. С. 11–95; Тихонов Н. Обработка древних тканей фотоаналитическим путем // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 17–19; Тревер К. Находки из раскопок в Монголии в 1924–1925 // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9–10. С. 40–47.

¹³⁴ Trever, K. Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). L., 1932.

¹³⁵ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 170 об.

¹³⁶ Одними из первых информацию о раскопках П. К. Козлова в Ноин-Уле опубликовали *Illustrated London News* (1 August 1925) и французский журнал *L'Anthropologie* (1925. Vol. 35. № 3. P. 521–522).

Раскопки одного из курганов совместной российско-монгольской археологической экспедицией. Монголия, Ноин-Ула, 2006 г. Фото автора

и отдельных исследователей выслать фотографии находок и разрешить их публикацию. Одному из первых такое право было предоставлено английскому журналу *Burlington Magazine*, в котором в апреле 1926 г. вышла большая статья о ноин-улинских раскопках с приложением фотографий находок¹³⁷.

В мае 1926 г. к Ольденбургу обратился академик В. И. Вернадский с просьбой разрешить послать ряд фотографий археологических предметов из Ноин-Улы для использования в научной работе его зятю, археологу Н. П. Толлю. Последний брал на себя обязательство не публиковать их раньше, чем это сделает Академия наук. Вернадский пояснял, что Толль занят изучением древних тканей «в связи с общими проблемами исторических влияний и взаимоотношений народов средиземноморской культуры и народов Азии, главным образом, кочевников»¹³⁸.

Сообщения о монгольских находках крайне заинтересовали также историка и археолога М. А. Ростовцева, который в это время разрабатывал «теорию о среднеазиатском происхождении южнорусского и некоторых мотивов китай-

¹³⁷ Yetts, W. P. Discoveries of the Kozlov Expedition // *Burlington Magazine*. 1926. April. P. 168–185.

¹³⁸ Письмо В. И. Вернадского С. Ф. Ольденбургу. 26 мая 1926 г. // Архив ИИМТ. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 107. Л. 25–25 об.; Н. П. Толлю фотографии были предоставлены (письмо М. В. Фармаковского В. И. Вернадскому // Архив ИИМТ. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 107. Л. 26.).

ского искусства»¹³⁹. Он обратился к своему финскому коллеге А. М. Тальгрену, вернувшемуся из России, с просьбой помочь достать хотя бы опубликованные фотографии ноин-улинских предметов, которые ему были необходимы для работы. Ростовцев считал, что писать о проблемах и взаимовлиянии различных культур Запада и Востока без использования материалов экспедиции Козлова стало невозможно. Находки в Монголии показались Ростовцеву настолько важными для подтверждения распространенности «звериного стиля» не только в Сибири, но и во многих местах Центральной Азии, что он опубликовал фотографии без специального разрешения АН СССР. Правда, извинился перед коллегами, что вынужден был воспроизвести некоторые иллюстрации академического издания без соответствующего разрешения и до полной публикации вещей в России, поскольку для рассматриваемых им проблем «ссылка на брошюру¹⁴⁰ или на статью *Yelts* была бы крайне недостаточна»¹⁴¹.

Ноин-улинские предметы привлекли пристальное внимание и известного японского археолога С. Умехары, который в то время вел исследования аналогичных культур в Корее¹⁴². Для работы с коллекцией Умехара специально приезжал в Ленинград в 1927, 1928 и 1930 гг. Именно он первым прочитал надпись на лакированной чашечке, которая позволила достаточно точно датировать захоронение в кургане № 6 (2 г. до н. э.).

По просьбе Ольденбурга Умехара подготовил описание коллекции для публикации его Академией наук. Однако смерть Сергея Федоровича помешала осуществлению намеченных планов. Вторую попытку публикации Умехара предпринял в 1942 г. уже в Токио, но война затянула реализацию этого проекта, а в 1945 г. материалы, переданные в издательство, погибли во время бомбардировки города. Опубликовать описание коллекции японский ученый смог только в 1960 г.¹⁴³

Ноин-улинские находки сподвигли первооткрывателя культуры хунну Талько-Грынцевича продолжить свои исследования населения древнего Забайкалья. В статье, написанной по просьбе председателя Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО Михно, он признается:

Я после двадцатилетнего перерыва опять возвращаюсь к результатам давнишних моих исследований [...] тем более что они имеют связь с новейшими археологическими открытиями всемирного значения в Монголии экспедиции П. К. Козлова в горах Ноин-Ула, подле Урги, по обряду погребения и находкам аналогичным забайкальским¹⁴⁴.

В 1920–1930-х гг. ноин-улинские предметы неоднократно представлялись на международных выставках: в 1929 г. в Берлине; в 1935 г. в Эрмитаже

¹³⁹ Скифский роман. Сборник о жизни и творчестве М. И. Ростовцева / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 505.

¹⁴⁰ Имеется в виду издание: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.

¹⁴¹ *Rostovtzeff, M. Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. P. 110.*

¹⁴² ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 73. Л. 193.

¹⁴³ *Umehara. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia...*

¹⁴⁴ *Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999. С. 119.*

(выставка, организованная к Иранскому конгрессу) и в Лондоне; в 1940 г. в Москве ¹⁴⁵. Куратором берлинской выставки был Боровка. Там же он выступил с рядом докладов об археологических раскопках в Монголии ¹⁴⁶.

Российскими исследователями в этот период кроме специальных работ, посвященных вопросам обработки и сохранения археологических предметов, был опубликован целый ряд материалов исторического и культурологического характера, основанных на их изучении ¹⁴⁷. Затем на долгие годы исследования истории и культуры хунну в России были прерваны, но не из-за того, что пропал интерес к этой теме, а в связи с трагическими обстоятельствами: многие ученые, разрабатывавшие эту проблематику, стали жертвами развернувшихся в стране политических репрессий (Г. И. Боровка, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов и др.).

Лишь в 1950-х гг. Руденко смог продолжить работу с коллекцией. Результатом его исследования стала изданная в 1962 г. монография «Культура хуннов и ноинулинские курганы» ¹⁴⁸, в которой содержится наиболее полное на сегодняшний день описание ноин-улинских предметов и их фотографии, сделанные специально для этой публикации. Годом раньше вышел каталог «Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. – III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа» ¹⁴⁹, подготовленный хранителем ноин-улинской коллекции Е. И. Лубо-Лесниченко. Наибольшее внимание в издании уделено тканям, найденным экспедицией Козлова.

Сегодня работа с коллекцией вышла на новый методический и технологический уровень. В последние два десятилетия изучением археологических предметов из погребений хунну плодотворно занимается сотрудник Института истории материальной культуры РАН С. С. Миняев, выполнивший, в частности, спектральный анализ бронзовых изделий Ноин-Улы и детально рассмотревший хронологию захоронения ¹⁵⁰, и новый главный хранитель ноин-улинской коллекции Эрмитажа Ю. И. Елихина ¹⁵¹.

¹⁴⁵ Козлов В. П. Научное значение археологических находок П. К. Козлова // *Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*. М., 1947. С. 17.

¹⁴⁶ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 9; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2001. С. 275.

¹⁴⁷ *Бернштам*. Гуннский могильник Ноин-ула...; *Боровка Г. И.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиций... С. 23–40; *Boroffka, G.* Die Funde der Expedition Koslow in der Mongolei in 1924–1925 // *Arhaologischer Anzeiger*. 1926. Bd. 41. S. 341–368; *Borovka, G.* Scythian Art. London, 1928; *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

¹⁴⁸ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.; Л., 1962.

¹⁴⁹ Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. – III в. н. э. Л., 1961.

¹⁵⁰ Миняев С. С. Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 167. М., 1982; Миняев С. С. Спектроаналитические исследования бронзовых изделий сюнну // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983; Миняев С. С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии / Отв. ред. А. Р. Артемьев. Владивосток, 2001. С. 295–305.

¹⁵¹ Елихина Ю. И. Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже // Рериховское наследие. Труды конференции–III. СПб., 2007. С. 304–310; Елихина Ю. И. Золотые и серебряные находки из Ноин-Улы, хранящиеся в Эрмитаже // Там же. С. 537–541.

Высокая научная значимость, общественный резонанс не только в России, но и за рубежом, казалось бы, предопределяли активное продолжение раскопок в Ноин-Уле. Однако этого по разным причинам не произошло. Теплоухов в 1925 г. отказался ехать в Монголию из-за занятости, предполагая продолжить раскопки в 1926 г., но работа в Ноин-Уле у него так и не сложилась ни на следующий год, ни в последующие ¹⁵².

В Монголию в 1925 г. поехал Боровка как руководитель Археологического отряда Монгольской комиссии. Но из-за дождливого лета, затруднившего ведение раскопок в Ноин-Уле, и «идя навстречу пожеланиям Ученого комитета Монголии» он ограничился исследованием археологических памятников долины р. Толы ¹⁵³. Раскопки в Ноин-Уле (на одном из курганов в Судзукте) ему удалось провести в 1926 г. Но они были не столь масштабными, как в 1924 г., а их результаты были, как он сообщил в телеграмме А. Е. Ферсману, «скромные, но не без интереса. Разъяснения некоторых находок Козлова» ¹⁵⁴.

Дальнейшее изучение хуннских погребений в Ноин-Уле было оговорено в первом официальном договоре между Академией наук СССР и Ученым комитетом Монголии о совместных научных исследованиях в 1930–1934 гг. ¹⁵⁵ В договоре предусматривалось, среди прочего, продолжение раскопок ноин-улинских курганов под руководством Боровки. Впрочем, их планирование из-за хронического недостатка финансирования носило, скорее, политический характер: по замыслу российской стороны включение раскопок в договор «закрывало дорогу» другим иностранным экспедициям. В зависимости от заинтересованности западных ученых в организации археологических раскопок в Ноин-Уле их предполагалось отодвигать все дальше и дальше по годам, поскольку в 1920–1930-х гг. приоритетными считались работы по исследованию и освоению природных ресурсов Монголии, направленные на решение хозяйственно-экономических проблем страны.

Произошедшие в Монголии в начале 1930-х гг. кардинальные изменения во внутривластной жизни, закрепление курса внешнеполитической ориентации на Советский Союз закрыли иностранным ученым дорогу в Ноин-Улу на долгие годы, а среди российских ученых после смерти в период репрессий 1930-х гг. Боровки и Теплоухова не нашлось специалистов, которые инициировали бы продолжение раскопок.

Что касается монгольской стороны, то в 1927 г. раскопки двух курганов по поручению Ученого комитета произвел Симук, который остался работать в Монголии по приглашению Жамцарано. О своей работе он подробно проинформировал Козлова. Большой курган в Судзукте, выбранный им по характеристикам, аналогичным счастливому для Монголо-Тибетской экспедиции Верхнему кургану, «возлагавшихся на него надежд не оправдал»: склеп был

¹⁵² ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 218. Просит в 1926 г. поставить его поездку в первую очередь.

¹⁵³ Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Л., 1927. С. 43–87.

¹⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 58. Л. 59.

¹⁵⁵ Оригинал договора на русском и монгольском языке находится в: ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 16. 18 листов.

полностью разрушен, все сгнило, от помещений почти ничего не осталось. Во втором кургане, в Цзурумтэ, «оказалось прекрасно (благодаря тройному навалу бревен) сохранившееся помещение, но бедное по содержанию»¹⁵⁶. Самой ценной находкой стала лакированная деревянная чашечка с китайской надписью¹⁵⁷, позволявшая датировать это погребение. Отчет Симукова об этих раскопках долгое время хранился в Учкоме и опубликован только в 2008 г.¹⁵⁸ В середине 1950-х гг. ноин-улинские курганы исследовал известный монгольский археолог Ц. Доржсурэн¹⁵⁹. Результаты его работы также, как и Боровки в 1926 г., дополнили материалы, найденные Монголо-Тибетской экспедицией, но необычных, знаковых находок не было.

Раскопки российских ученых были возобновлены только в 2006 г. в рамках совместного проекта Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Института археологии Монгольской академии наук. Их инициатором и руководителем российской экспедиции стала лауреат Государственной премии Н. В. Полосьмак. Беспрецедентная как по срокам, так и по объему разработка одного из курганов дала результаты не менее сенсационные, чем находки экспедиции Козлова: в одном из царских погребений I века н. э. на глубине 19 (!) м были найдены более 200 предметов искусства и быта¹⁶⁰. Среди них китайская колесница, более 20 чеканных блях с изображением животных, образцы шелковых и шерстяных тканей с вышивками и аппликациями и др. Все предметы были доставлены в Новосибирск для детального изучения и реставрации, а осенью 2008 г. весь найденный при раскопках материал возвращен в Монголию. В планах российских археологов – продолжение изучения этого уникального могильника народа хунну. Надеемся, Ноин-Уле еще есть чем удивить нас.

Судьба ноин-улинских находок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова сложилась счастливо. Ее уникальность, исключительная историческая и искусствоведческая ценность, высокая научная значимость сразу же привлекли пристальное внимание научного сообщества. Это археологическое открытие позволило подойти с новыми идеями к изучению истории хунну и проблемам взаимовлияния различных культур Востока и Запада. Современные технологические подходы к изучению археологических предметов дают возможность получить о них новую информацию, расширить наши знания о бытовании древнего народа.

Коллекция востребована до сих пор. Благодаря точному определению возраста одного из захоронений найденные предметы стали своеобразными маркерами своего времени, использующимися для датировки вещей этой эпохи.

¹⁵⁶ Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой / Подготовка публикации и комментарии Т. И. Юсуповой // *Mongolica*–VII. СПб., 2007. С. 105.

¹⁵⁷ Фотография этой чашечки была впервые опубликована в книге: *Доржсурэн Ц. Умард хунну*. Улаанбаатар, 1961. С. 93.

¹⁵⁸ *Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии*. Осака, 2008. Т. 3. Ч. 1. С. 40–45.

¹⁵⁹ *Доржсурэн. Умард хунну...*

¹⁶⁰ *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. На 18 метров в глубину веков // Наука из первых рук*. 2006. № 6. С. 14–22; *Полосьмак Н. В. Возвращение в Ноин-Улу // Наука в России*. 2008. № 1. С. 54–63.

Археологические открытия в Ноин-Уле начались со случайной находки. Научным фактом Ноин-Ула стала благодаря интуиции, энергии, воле замечательного русского путешественника П. К. Козлова. Ответственность, взятая им на себя за организацию раскопок, и, безусловно, сопутствующая ему удача, дали возможность выявить ценнейший материал, позволивший раскрыть яркие страницы мировой истории. Рассматривая в январе 1925 г. фотографии с ноин-улинских находок Козлов записал в дневнике: «...скоро от меня отберут мое сокровище, увезут его [...] навсегда в музей и я останусь лишь в объятиях со снимками». Давно разошлись пути ноин-улинской коллекции и Козлова, но имена их остались навеки связанными.